Вперед на запад!

Автор:
Игорь Зурков

Вперед на запад!

Дмитрий Аркадьевич Зурков

Игорь Аркадьевич Черепнев

Бешеный прапорщик #6Боевая фантастика (АСТ)

Май 1916-го… Прошлым летом враг ценой неимоверных усилий был остановлен. И всё это время суетливо рыл свои крысиные норы, превращая их потом в бетонированные пулемётные и пушечные доты, блиндажи и казематы, по-тевтонски высокопарно называя свои творения «Долинами смерти», «Могилами русских»… Говорят, от Балтики до Чёрного моря можно было пройти пешком, не вылезая из окопов… И сейчас ожил, отогрелся на весеннем солнышке, ожидая, когда русские солдаты снова пойдут в атаку, путаясь в спиралях Бруно и повисая на колючей проволоке окровавленными кусками мяса под огнём пулемётов… Только вот не учёл одной детали – в Российской Императорской армии существует 1-й отдельный Нарочанский батальон, которым командует капитан Гуров. И воюет этот батальон так, как считает нужным, а не так, как ждут от него германцы. А это значит, что клич «Вперед, на запад!» заставит дрожать их ещё в Первую мировую…

Дмитрий Аркадьевич Зурков, Игорь Аркадьевич Черепнев

Бешеный прапорщик. Вперед на запад

© Дмитрий Зурков, 2019

© Игорь Черепнев, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Авторы искренне благодарят участников литературных форумов «В Вихре Времен» и «Самиздат», оказавших своими замечаниями и советами неоценимую помощь, и особенно:

Светлану, Екатерину и Илью Полозковых, Элеонору и Грету Черепневых, Ольгу Лащенко, Веру Коровину, Анатолия Спесивцева, Владимира Геллера, Игоря Мармонтова, Виктора Дурова, Виталия Сергеева, Александра Колесникова, Владимира Черменского, Андрея Метелёва и Валерия Дубницкого.

Глава 1

Вокзалы всегда остаются вокзалами, как бы они внешне ни различались. Всегда и везде одно и то же. Суета, толкотня, гомон многолюдной толпы и ощущение времени, быстро утекающего, как вода сквозь пальцы. Нужный поезд должен был прибыть в два часа, но я подъехал заранее и сейчас наблюдал за бьющей ключом жизнью людского муравейника, ожидая Воронцова и Бессонова.

Городовых прибавилось по сравнению с обычным днём. Служители правопорядка потеснили в сторону извозчиков, загромоздивших подъезд в ожидании клиентов, и теперь прогуливались взад-вперед, всем своим видом показывая ревностное отношение к своим обязанностям.

– А вот и Денис Анатольевич! – сзади раздается голос Воронцова. – И здесь успел раньше нас!

– Добрый день, господа! – оборачиваюсь и здороваюсь с Петром Всеславовичем и Бессоновым, снова одетыми в штатское для конспирации. – Все формальности в училище закончил, вот и решил прибыть пораньше.

– И сейчас любуетесь бурлящей столичной жизнью, – улыбаясь, дополняет Алексей Алексеевич, указывая на какую-то дамочку, безуспешно пытающуюся вместе с нянькой успокоить свое горячо любимое и громко ревущее чадо.

– Вы правы, надо же набраться впечатлений перед возвращением на фронт…

Наш разговор прерывает шум подъезжающих автомобилей. Три грузовика с красными крестами на тентах, возглавляемые легковым авто, клаксонами разгоняют кучки пешеходов и зевак и паркуются прямо напротив центрального входа. Блюстители порядка создают импровизированное оцепление, объясняя народу руками и голосом «сюда не ходи, туда ходи…» В легковушке сидит упитанный дядечка в фуражке и офицерском кителе без погон, с большой повязкой Красного Креста на рукаве. Аккуратно подстриженная бородка, пенсне на носу… Судя по тому, как засуетились его попутчики, – большая шишка.

– Об этом человеке мы вчера говорили. Особоуполномоченный РОККа Александр Иванович Гучков собственной персоной, – негромко поясняет Алексей Алексеевич. – Не упустит своего, любит на публике поораторствовать…

То-то, я смотрю, уже куча репортёров нарисовалась, блокнотики свои с карандашиками достали, топчутся, как халдеи в кабаке при оформлении заказа… О, а вот и фотографы подоспели, аж целых три, бегают, ищут место для наилучшего ракурса. Ню-ню, дерзайте, акулы пера…

Позади толпы, в которой мы очутились, снова раздаются звуки клаксонов и зычные крики «Раздайсь!» Медленно, раздвигая в стороны кучки любопытных зевак, к вокзалу пробиваются еще два авто. В одном… В окружении двоих казаков-конвойцев в машине сидят их императорские высочества великие княжны Ольга Николаевна и Мария Николаевна. На старшей – привычная для неё форма сестры милосердия под накинутым на плечи пальто, ее младшая сестра в таком же синем платье, но без фартука и косынки. Во втором авто – небольшая свита в генеральских и полковничьих погонах. И как раз в этот момент раздается гудок прибывшего поезда.

Из машины выскакивает этакий колобок в мундире, бежит к Гучкову, разговаривает с ним минуты две, затем возвращается к великим княжнам и что-то объясняет, виновато разводя руками. Обе девушки растеряны и, похоже, не знают, что им делать. Ольга машинально смотрит на людское столпотворение, взгляд неузнаваемо скользит по мне, но затем через пару секунд возвращается. На лице княжны написано удивление и какой-то совсем по-девчоночьи мучительно красноречивый призыв о помощи, но ни жестом, ни голосом позвать меня не решается. Ну, понятное дело, – правила приличия, ёптить! И полковника свитского посылать за штабс-капитаном – сплошной моветон-с. Придется проявить инициативу, в конце концов, она – шеф моего батальона… Значит, что?.. Правильно, почти прямой и непосредственный начальник. Имею полное право подойти и доложиться!..

– Прошу простить, господа, но, похоже, мне придется вас покинуть, – поворачиваюсь к своим спутникам.

– Денис Анатольевич, в случае чего мы вас поддержим… – понимающе улыбается Воронцов. – Я надеюсь, обойдется без стрельбы и взрывов?..

– Постараюсь, Петр Всеславович, но гарантировать не могу. Сие не только от меня зависит, – принимаю шутку и улыбаюсь в ответ. Хотя в каждой шутке обычно бывает довольно большая доля правды. У меня и люгер в кобуре, и старый добрый лефош в кармане. Не считая шашки и традиционно заголенищного «оборотня». Так, на всякий случай, который, как известно, может быть очень разным…

Пробираюсь через любопытствующих, отодвигаю с дороги не посмевшего возражать городового и подхожу к автомобилю под прицелом взглядов лейб-казаков и свитских из второй машины. А дальше – все по Уставу, руку к фуражке, и…

– Здравия желаю, ваши императорские высочества!

– Денис Анатольевич?!. Вы здесь… каким образом?.. – Княжна до сих пор радостно удивлена.

– Сдавал экстерном экзамены за курс военного училища, ваше…

– Денис Анатольевич, вы забыли! Для вас и остальных офицеров батальона обращение без титулования, просто Ольга Николаевна!.. – Потом княжна вспоминает про этикет. – Это – моя сестра, великая княжна Мария Николаевна.

– Здравия желаю, ваше императорское высочество! – козыряю еще раз, получая в ответ «Здравствуйте, господин штабс-капитан!» и милую улыбку шестнадцатилетней красавицы…

Наша приятная светская беседа прерывается неожиданным образом. Со стороны вокзала начинается торжественный монолог господина Гучкова перед вышедшими инвалидами. М-да, поднаторел товарищ в слюнопролитных думских баталиях, красиво излагает. Низвергает бурный водопад своего профессионального красноречия на уши ни в чем не повинных людей… Ах, какая эмоциональность, какая патетика!.. Скорбь по погибшим… Святая вера в победу… Не выражаемая никаким языком огромная благодарность присутствующим здесь героям, освободившимся из германского плена, за их великий подвиг… У меня перед глазами наглядная иллюстрация к выражению «Трындеть – не мешки ворочать»… Так, а почему это великая княжна разволновалась? Я пропустил что-то интересное?..

– Нет, вы только подумайте!.. Этот противный Гучков!.. Он же обещал отправить их всех в наш госпиталь!.. Что мы теперь скажем мама€?..

Ну-ка, ну-ка, вот отсюда, пожалуйста, поподробнее!.. Все прибывшие должны были направиться в царскосельский госпиталь, но комитет Красного Креста нашел более удобное и комфортабельное место для сегодняшних героев… Да, красиво, изящно!.. Все в дерьме, включая присутствующих великих княжон, и только Александр Иванович – весь в белом!..

– Прошу простить великодушно, Ольга Николаевна, но мне придется ненадолго удалиться. – Еще раз беру «под козырек» и начинаю проталкиваться к импровизированной трибуне, с которой вещает этот доморощенный Цицерон. Щас будем д’артаньянить… Интересно, в газетах, как всегда, правду напишут или то, что действительно произошло?..

Александр Иванович Гучков по давно въевшейся привычке опытного оратора красноречиво окружал свои мысли гирляндами слов, краем сознания следя за

реакцией окружающих слушателей. Сегодняшнее выступление было запланировано заранее, и он к нему хорошо подготовился. Даже если бы от царской семьи присутствовали не наивные дочери Николая II, а кто-нибудь посерьезней, типа принца Ольденбургского или великой княгини Марии Павловны, все равно вышло бы так, как хотел он. В худшем случае выслушал бы пару-тройку укоризненных фраз, – и всё. Но результат был бы прежним. Люди бы видели, кто именно болеет за судьбу России, заботится о нуждах фронта, об инвалидах и раненых… И кто принимает решения…

Вобрав воздух в легкие, чтобы продолжить свою пламенную речь, Александр Иванович осёкся на полуслове из-за резкого и внезапного кваканья автомобильного клаксона, раздавшегося за спиной. Обернувшись, он увидел возле водителя незнакомого штабс-капитана с георгиевской шашкой и целой колодкой орденов на груди, среди которых мельком разглядел и пару иностранных. Среднего роста, худощавого телосложения, с аккуратными усиками и насмешливым взглядом. А далее Александр Иванович просто впал в ступор, потому что никто и никогда, наверное, не вёл себя так ни с кем из рода Гучковых…

Водила в машине до того заслушался своего патрона, что и не заметил, как я дотянулся до резиновой груши и немного побибикал. Оратор, или оракул, не знаю, как правильней назвать, заткнулся на полуслове и, чуть не грохнувшись на мостовую, повернулся посмотреть на источник помех. На мордочке видно выражение недоумения, постепенно переходящее в праведный гнев. Ну, сейчас мы этот процесс ускорим! В пределах дозволенного…

– Господин хороший, вам случайно не приходилось слышать старую русскую поговорку о том, что соловья баснями не кормят?

Так, народ заинтересовался, репортеры ушки навострили, продолжаем клоунаду.

– Или вы считаете, что раненым и инвалидам, да на голодный желудок, интересно слушать ваше краснобайство?

– Господин штабс-капитан! Что вы себе позволяете?! Кто вы такой?!.. – Оторопь прошла, и Александр Иванович, дав выход своему возмущению, решил поставить

зарвавшегося офицера на место. Ответ был настолько неожиданным, что он снова не нашелся что сказать. Такого не может быть!..

Совсем недавно, желая проверить достоверность слухов о возросшей популярности в армейской среде некоего штабс-капитана Гурова, Александр Иванович по своим каналам дал указание собрать всю информацию об этом человеке, дабы решить, насколько можно будет его использовать в грядущих событиях, и вот он тут, как чёртик из табакерки, появляется в самый неожиданный момент. И, судя по всему, настроен довольно враждебно. Задумавшийся на секунду Гучков услышал последнюю фразу штабс-капитана и понял, что всё окончательно пошло не так, как планировалось…

– Штабс-капитан Гуров-Томский, к вашим услугам, господин особоуполномоченный Красного Креста! – «И чего ты орешь, как потерпевший? Кто я такой? Пожалуйста!..»

Опять дядька завис в перезагрузке… И в толпе какое-то оживление, особенно там, где стоят с гарантированной неприкосновенностью германский чинуша и сопровождающие его сестры милосердия. Одна особенно разволновалась, так и сверлит взглядом, скоро дырка появится. Пора заканчивать этот балаган!..

– Господа георгиевские кавалеры! От имени великих княжон Ольги Николаевны и Марии Николаевны имею честь сообщить, что вам необходимо проехать на Царскосельский вокзал для следования в госпиталь, где вы пройдете обследование и необходимое лечение… – Снова обращаюсь к Гучкову и Ко, не в силах удержаться от язвительного замечания: – Интересно, а как вы, господа, собирались помогать людям с костылями залезать в грузовые авто? Или сей момент не заслуживает вашего высокого внимания?..

Поворачиваюсь в сторону извозчиков, наслаждающихся бесплатным зрелищем, и, перекрывая людской гомон, ору командным голосом:

– Эй, залётные! Сюда, рысью по одному! Живо!..

В конце концов, сам рассчитаюсь, если что, денег хватит. Дёргаюсь в направлении лихачей и замечаю, что Ольга Николаевна что-то сказала давешнему колобку и тот шустренько катится навстречу «таксистам», на ходу пытаясь попасть рукой в карман. Пока раздумываю, стоит ли составить ему

компанию, ловлю в спину фразу Гучкова, произнесенную так, чтобы услышал только я, ну и, может быть, личный водила:

– Ты об этом ещё пожалеешь…

Оборачиваюсь и пристально смотрю в глаза, где видна плохо скрываемая злоба. Тебе, гад, сейчас мозги вправить или потом, при случае?.. А может, сразу пристрелить, чтобы не мучился обеспеченной старостью?..

Кавалькада из десятка пролёток, возглавляемая автомобилями великих княжон и их свиты, убывает на вокзал. Но прежде Ольга Николаевна передает мне обязательное к исполнению приглашение на чаепитие завтра в 17.00, мотивируя тем, что «мама€ давно хотела познакомиться с героем, спасшим ее дочурку…».

По дороге домой Александр Иванович размышлял о сегодняшних событиях, логически оценивая всё произошедшее как с отрицательной, так и с положительной стороны. Но всё-таки какая-то мелкая деталь, оставшаяся вне его внимания, не давала ему покоя, что-то он упустил. Откинувшись на спинку сиденья, Гучков закрыл глаза, отрешился от умозаключений и попытался визуально вспомнить всю цепочку событий… И почти сразу же понял, что его беспокоило! Взгляд, брошенный штабс-капитаном на прощание…

В тот момент, когда была упущена инициатива, Гучков, почти потеряв контроль над собой, набрал в легкие побольше воздуха, дабы начальственным рыком поставить на место этого бог знает что возомнившего о себе офицеришку и тем самым мгновенно восстановить в глазах толпы и своей свиты несколько пошатнувшийся авторитет, но инстинкт самосохранения, который не раз выручал его во всех жизненных перипетиях, помимо воли сдержал на языке приготовленную гневную тираду. А память услужливо подкинула воспоминания давно минувших дней…

Очень давно, еще во время англо-бурской войны, Александр Иванович видел такие взгляды. С таким же прищуром и также абсолютно равнодушно бурские стрелки смотрели на англичан, выбирая, в какое именно место всадить пулю. И точно такие же глаза были сегодня у этого штабс-капитана…

Гучков энергично помотал головой, отгоняя и сегодняшнее видение, и воспоминания из далекого прошлого, и устроился поудобней на сиденье. Да, с этим Гуровым надо срочно что-то решать…

Глава 2

Учитывая, что как-то невежливо будет опаздывать на чашку чая к августейшим особам, приехал в Царское Село с хорошим запасом времени, который трачу на то, чтобы не торопясь прогуляться сначала по Бульварной, затем по Церковной улицам, на указанном перекрестке повернуть направо и очень быстро оказаться возле изящной чугунной ограды, отделяющей место обитания царской семьи от остального мира. По пути глазею по сторонам и прикидываю, в каком доме сейчас мог бы жить, если бы тогда согласился на перевод в лейб-конвой. Поразмышляв на тем, что с переездом потерял бы всякую свободу действий и стал бы одним из бесконечных «маленьких винтиков большого механизма», пришёл к выводу, что ни один из особняков мне не нравится.

У ажурных ворот красивого чугунного литья, которыми заканчивается дорога, меня опускают с небес на землю. Весь насквозь официальный гвардии поручик узнаёт цель прибытия, просит предъявить удостоверение и, вытеснив из традиционной черно-бело-полосатой будки молодцеватого унтера с винтовкой, связывается с кем-то по телефону. Ну, это нам до боли знакомо – КПП, пропускной режим, и всё остальное в том же духе…

Закончив разговор, поручик возвращает мой документ и холодно-корректным тоном предлагает подождать сопровождающего. Пока измеряю шагами пространство перед воротами, вспоминаю пересказанный доктором Голубевым вариант посещения царского дворца Алексеем Максимовичем Пешковым-Горьким и невольно улыбаюсь той нелепице, которую довелось тогда услышать. Ладно, если бы смешно было, проскочило бы за анекдот, а так… Очень похоже на либералистические фантазии «про кровавую гэбню и стопяцсотмильёнов лично замученных».

Унтер, стоящий в будке, видя мою улыбку вкупе с задумчивым взглядом, направленным куда-то в район его живота, старается незаметно оглядеть себя на предмет нарушения формы одежды и, не найдя ничего предосудительного,

сурово сдвинув брови, еще пристальней контролирует мои телодвижения… Наконец-то возле ворот появляется мой персональный «конвой» – ефрейтор, который и сопровождает меня до самого дворца, отстав на пару шагов. То ли как и положено нижнему чину, то ли грамотно сопровождая подозреваемого… Да ну его нафиг!.. Что за мысли дурные лезут в голову? Максимом Горьким впечатлился, что ли?..

На входе конвоир передает меня офицеру внутреннего поста и незаметно исчезает. Очередной гвардии поручик ждёт, пока я повешу шинельку, затем нейтральным тоном сообщает, что огнестрельное оружие полагается сдавать. Ну, да не вопрос! Расстёгиваю ремень, стаскиваю с него кобуру с наганом и передаю дежурному. Потому как ещё вчера пришёл к выводу, что любимый люгер здесь во дворце могут неправильно понять разные придворные чины. По этой же причине не брал с собой и «оборотня» – во избежание всяких там недоразумений с не в меру бдительной охраной. Лейб-гвардеец, улыбаясь уголками рта и пряча за этой гримасой свое столичное превосходство перед провинциальностью приехавшего фронтовика, оказывает дружескую услугу:

– Если желаете, господин штабс-капитан, можете оставить и свою шашку. Сие вовсе не обязательно, но вы же приглашены на чаепитие, и она здорово может вам помешать…

Действительно, за столом сидеть будет не совсем удобно, поэтому снимаю плечевую портупею и передаю «Анну Георгиевну» поручику, который подчеркнуто бережно убирает её в то же отделение шкафчика, что и наган, сделав об этом пометку в своей тетради. Затем, считая свой долг выполненным, вызывает дежурного скорохода, который должен быть моим гидом. Молодой человек, всем своим видом показывающий важность порученного ему дела, ведет меня длинным коридором, вежливо инструктируя при этом о правилах приличного поведения за столом в присутствии августейших особ, цитируя почти один в один петровское «Юности честное зерцало». Блин, после таких разговоров и кусок в горло не полезет! Идите нафиг, в гробу я видел всех вас с этими церемониями, не надо мне вашего чая!..

Пока, как самовар, закипаю, скороход передаёт меня, будто бандероль, следующему халдею по имени «помощник обер-церемонимейстера». Пока тот записывает мои данные в какой-то там журнал и еще раз инструктирует в стиле анекдота про чукчу в космическом корабле, в смысле – «это не трогай, то не бери», оглядываю себя со всех сторон в очень кстати висящем на стене зеркале,

после чего этот самый помощник заводит меня в императорскую приёмную, где и будет всё происходить. Здесь я тут же попадаю под надзор еще одного дворцового служителя, большого бородатого дядьки в чём-то, богато расшитом золотым шитьем. Наверное, такой прикид называется ливреей, а сам дядька – лейб-лакеем или как-нибудь еще. Стоит настолько неподвижно, что сперва принял его за чучело, только вот последние не умеют моргать и чуть заметно снисходительно улыбаться. Ладно, оглядываемся по сторонам и делаем вид, что мы – в музее…

Большая комната… Стены отделаны дубовыми панелями в человеческий рост, поверх которых идет полка с расписанными деревянными тарелками, красиво оформленными бокалами, даже какой-то рог в серебряной оправе наличествует. С ними соседствуют картины на стенах, два пейзажа на крестьянскую тему… О, а вот и батальный сюжет. Немцы по снегу пытаются установить рекорд скорости в командном многоборье для упряжки с орудием, а наши им помогают штыками, да ещё и на заднем плане большая группа поддержки верхами несётся с шашками наголо… В углу слева от входа – большой камин, рядом стоят какие-то прибамбасы для его обслуживания, стилизованные под винтовки, составленные в козлы, с потолка на массивной цепи свисает большая бронзовая люстра. Посередине комнаты стоит накрытый для чаепития стол. Белая с золотом скатерть, такие же салфетки, расставленный в идеальном порядке сервиз, всякие тоненькие, аж боязно в руки взять, фарфоровые блюдечки, тарелочки, чашечки с изящной росписью, вазочки с печеньем и джемом, два небольших блюда: одно с пирожными, другое – со сдобой…

Звук открывающейся двери заставляет обернуться. Тот же халдей вводит в комнату какого-то молодого солдатика в новенькой, с иголочки, форме. Русые волосы, голубые глаза, в данный момент совсем ошалевшие, широковатый для тонкой шеи воротник… Лицо знакомое, где-то я его уже видел… Стоп!.. Видел, но гораздо позже, на фотографии в школьном учебнике!.. Или не он?.. А вот сейчас и проверим…

Подхожу к бойцу, который уже выходит из ступора и, видимо, приняв меня за какое-то начальство, набирает в лёгкие воздуха, чтобы поздороваться по-военному. Машу ему рукой, чтобы не орал, никому здесь вопли «Здравжла, вашбродь!» не нужны.

– Ты кто таков?

– Санитар Царскосельского военно-санитарного поезда номер сто сорок три ее императорского величества государыни императрицы Александры Фёдоровны, рядовой Есенин! – негромко, но бодро рапортует «душа и гордость земли русской».

Оп-па! Значит, я не ошибся! И пусть думают что хотят про моё поведение, хотя монументально застывшему лакею это всё – до одного места!..

– Здравствуйте, Сергей Александрович! Весьма рад познакомиться с… очень одарённым и талантливым поэтом, – протягиваю руку, которую он на автопилоте пожимает. – Штабс-капитан Гуров, к вашим услугам…

* * *

Дверь опять открывается, и мы едва успеваем вытянуться во фрунт. В приёмную величественно заходит высокая стройная дама, знакомая мне только по фотографиям… Императрица Александра Федоровна… За ней появляются четыре девицы, двух из которых я уже знаю, – Ольга и Мария Николаевны. Значит, из оставшихся та, что постарше, – Татьяна, а самая младшая, с озорными, несмотря на торжественность момента, глазами, – Анастасия. И замыкает процессию еще одна дама с чопорным выражением лика и вездесущий полуобер-церемонимейстер, на лице которого проскакивает тень недовольства, когда Ольга Николаевна, ломая церемонию, обращается к императрице:

– Мама, вот тот самый офицер, который спас меня!..

Из положения «смирно» вытягиваюсь в «еще смирнее» и рапортую:

– Здравия желаю, ваше императорское величество! Штабс-капитан Гуров!..

Императрица, слегка наклонив голову, пару секунд внимательно смотрит на меня, затем отвечает с почти незаметным акцентом:

– Здравствуйте, господин штабс-капитан. Насколько я знаю, у вас – двойная фамилия, не так ли?..

– Так точно, ваше величество, виноват! Штабс-капитан Гуров-Томский! – Блин, накосячил от волнения, чувствую, как краснею аж до помидорного цвета. – Прошу извинить! Ещё не привык!

Александра Федоровна вежливо улыбается, давая понять, что объяснения приняты и прощение заслужено. Ольга Николаевна тем временем снова берёт инициативу в свои руки, не обращая внимания на нахмуренные брови сопровождающей дамы:

– Мои сестры, великие княжны Татьяна и Анастасия!

Доворот в сторону девушек, щелчок каблуками, одновременный короткий поклон-кивок головой…

– Ваши императорские высочества! Штабс-капитан Гуров-Томский! К вашим услугам!

Татьяна спокойно и как-то по-домашнему улыбается в ответ, а Анастасия озорно приседает в книксене. Строгая дама оказывается обер-гофмейстериной Елизаветой Алексеевной Нарышкиной. Поворот обратно к императрице, ждём дальнейших указаний…

– Денис Анатольевич, я бесконечно благодарна вам за спасение дочери! – Видно, что Александра Федоровна тщательно пытается скрыть своё волнение под официальными интонациями светского разговора. – Вы вырвали её из рук бесчестных негодяев и лично задержали погоню, давая возможность спастись моей девочке! Его превосходительство генерал Келлер, проводивший расследование этого… инцидента, подробно рассказал, как вы сражались! В знак моей признательности прошу принять эти подарки!

Халдей тут же подскакивает к императрице с небольшим серебряным подносом в руках. Её величество, взяв с него две открытые коробочки, обтянутые кожей, с лежащими внутри наручными часами и воронёным портсигаром, украшенным в верхнем углу серебряным гербом, протягивает их мне…

– Я не зря уточнила вашу полную фамилию, потому, что попросила Гербовое отделение Сената ускорить решение вашего вопроса. – Александра Федоровна подаёт красную сафьяновую папку, переданную ей Нарышкиной. – Здесь диплом

о присвоении вам фамильного герба Гуровых-Томских.

Разглядывать подарки считалось моветоном во все времена, поэтому пока всё кучкуем на сгибе левой руки и быстренько обдумываем благодарственную речь, которая получается очень короткой:

– Служу престолу и Отечеству! Премного благодарен, ваше величество!

В разговор снова вступает Ольга Николаевна. Маминого опыта и выдержки пока у нее нет, поэтому она немного смущена и слегка запинается:

– Господин штабс-капитан, поскольку я являюсь шефом вашего батальона… Я знаю, что офицерам разрешено заменять шашки кортиками. Прошу принять от меня…

В её руках, переданный тем же «хранителем наград», появляется кортик. Возле позолоченной гарды с надписью «За храбрость» прикреплён на щитке малиновый анненский крестик, черная гранёная рукоять заканчивается миниатюрным белым Георгием на торце наконечника… Чёрно-оранжевый темляк завязан на гарде изящным узлом и заканчивается свисающей кистью…

– Принцесса и рыцарь… С гербом и мечом… Почти, как у Шиллера… – В тишине улавливаю насмешливый шепот Анастасии. – Как это романтично…

Краем глаза замечаю сердито сверкнувшие глаза Александры Федоровны, Ольга ещё больше заливается смущённым румянцем… А что, это – идея! Спасибо вам, юное создание, гормональным взрывом изнеможденное, за подсказку!..

– Ваше императорское высочество! Готов принести клятву верности! – Опускаюсь на колено, склоняю голову… Великая княжна, с секундной заминкой поняв смысл сказанного, принимает условия игры и касается клинком моего плеча, после чего немного неловко возвращает его в ножны и протягивает мне…

– Свою верность вы уже доказали. Господин штабс-капитан, я посвящаю вас в рыцари!..

Не поднимаясь, принимаю из рук Ольги Николаевны кортик, наполовину обнажаю клинок, касаюсь его губами, затем вкладываю обратно, встаю… И случайно ловлю взгляд её величества, только императорского в этот момент в нём очень мало. Во взгляде видно сомнение матери, пока не решившей, насколько всё происходящее является игрой, а насколько правдой, и как это в случае чего сможет помочь её дочери. И ещё истеричную напряженность слабой женщины, придавленной тяжелым бременем Власти. Но мгновение проходит, и я снова вижу императрицу Александру Федоровну…

– А это поэт Сергей Александрович Есенин! – пятнадцатилетнее чудо по имени Анастасия Николаевна нетерпеливо пытается завладеть всеобщим вниманием. – Мы были на концерте в лазарете, он там читал свои стихи! Они такие замечательные!..

– Да, я помню, ты прожужжала мне все уши, чтобы пригласить его на чай. – Императрица улыбается, но глаза остаются все еще строгими и непроницаемыми. – Однако не будем медлить…

Нам, как гостям, стараниями мадам Нарышкиной достаются места в торце стола напротив Александры Федоровны. В комнате, едва все расселись за столом, появляются четыре важных дядьки в ливреях, которые отточенными движениями разливают какой-то особо ароматный чай по чашкам, а потом, отойдя на три шага назад, застывают в готовности выполнить любое пожелание…

М-да, это вам не в ротной канцелярии чаи гонять, одно слово – церемониал. Как-то боязно сделать что-то не так, даже пошевелиться. Смотрю направо, где сидит Есенин, и на душе становится немного легче. Я, конечно, всё понимаю, но, действительно, правду говорят – нет больше счастья, чем несчастье ближнего. Бедного поэта вовсю долбит нервный колотун. А тут ещё княжна Анастасия, не подумав как следует, решает угостить пирожным из собственных ручек и перекладывает на его блюдце сложную кондитерскую конструкцию, от чего объект высочайшего внимания вообще впадает в ступор. Потом, спустя полминуты, она с удивлением замечает нетронутое лакомство и, сообразив, в чем дело, легонько толкает его под столом коленкой, затем, лукаво поглядывая исподтишка на своего соседа, отламывает ложечкой кусочек, отправляет его по назначению и запивает глоточком чая. Тот неуверенно повторяет все показанные телодвижения, затем снова наступает очередь княжны. Вот так, замечательно, теперь по очереди ложки в рот таскают. Ожил птенчик, маленько

расслабился. И во взгляде бесшабашность появилась. Сейчас допьет чаёк и, скорее всего, выдаст мини-концерт в стиле высокохудожественной поэзии новокрестьянского направления. Ну, а мы пока послушаем Ольгу Николаевну, сидящую рядом и, не ведая о такой вещи, как режим секретности, рассказывающую если не грифованную, то уж точно служебную информацию не для всяких ушей…

Так-так-так, благодарю вас, ваше высочество, значит, ждать вас с папенькой в гости где-то через две-три недельки… Ага, даже вот как!.. Да, к такому событию действительно надо даже не хорошо, а отлично подготовиться!.. Такое раз в жизни бывает, поэтому – срочно кидать все дела, и – на базу. Готовиться…

Вкусняшки съедены, чай выпит, Анастасия что-то тихонько спрашивает у Есенина, затем, в очередной раз нарушая правила этикета, громко хлопает в ладоши, привлекая всеобщее внимание…

– Послушайте все, послушайте! Сергей Александрович сейчас прочитает нам стихи!..

Есенин неуклюже встает из-за стола, делает несколько шагов к окну, поворачивается… И это уже не тот сконфуженный солдатик-санитар, не знающий, как правильно держать чайную ложечку. Перед нами гений в порыве вдохновения, совсем, как у классика – «Поэт идет, открыты вежды, но он не видит никого…»

В багровом зареве закат шипуч и пенен,

Березки белые стоят в своих венцах.

Приветствует мой стих младых царевен

И кротость юную в их ласковых сердцах…

Его голос заполняет все пространство комнаты, каким-то непостижимым образом гипнотизирует, заставляет забыть обо всём и ловить каждое слово, каждую интонацию… Признаться честно, из школьного курса литературы помнил, что и Есенин, и автор «ноктюрна на флейтах водосточных труб» да и многие другие таланты во время Первой мировой «героически» защищали Родину в тылу. И относился к ним, скажем так, не очень хорошо… А вот сейчас

понял, что у страны могут быть миллионы солдат, тысячи офицеров, сотни генералов, и только единицы этих самых Поэтов с большой буквы. И что далеко не всегда можно их мерить одним аршином…

* * *

Обратно в Питер возвращаюсь в каком-то взбаламученном состоянии. То ли из-за вживую услышанных есенинских стихов, то ли из-за общения с августейшими особами. Никогда не был фанатично убежденным монархистом, как Федор Артурович, но… Я, конечно, и знаю, и понимаю, да и воочию вижу, что и Николай и Аликс много чего накосячили, за что отчасти и поплатились. Но разговаривать с княжнами и знать, что в моей истории их через два года сначала расстреляют, потом добьют штыками, затем вывезут за город и скинут в шахту, изуродовав перед этим тела до неузнаваемости, да так, что и через девяносто лет медики не смогут собрать из разломанных костей черепа и скелеты… Нет уж, товарищи революционеры!.. Подавитесь!.. Так подавитесь, что блевать будете!.. Кровью с кишками своими!.. Всех вас, сук, своими руками удавлю!..

Девчонки-то в чем виноваты?.. Романтичная Ольга, спокойно-рассудительная Татьяна, немного стеснительная Мария и непоседа Анастасия… Им это за что? За фамилию Романовы? Знать бы, у кого спросить… Хотя – знаю! Есть такой человечишко, который, как в моем времени выяснилось, стоял за всем этим. И зовут гадёныша Яшенька Михайлович Свердлов. И проживает он сейчас где-то в Туруханском крае, кстати, вместе с Иосифом Виссарионовичем Джугашвили. Съездить, что ли, в гости? Вежливо пообщаться со вторым, а с первым долго, нудно и вдумчиво побеседовать? Чтобы рассказал всё-всё, что знает, и ещё немножко сверх того? А потом всё, что от него останется, утопить в отхожей яме? И всех его тварей-единомышленников на куски рвать, на ленточки резать!..

Уже приехав на квартиру, подробно рассматриваю подарки, изо всех сил лелея и обхаживая свое самолюбие. Рассматривать есть что. Новинка, только-только входящая в модную жизнь, наручные часы. Вороненый корпус, черный циферблат со светящимися цифрами и надписью «Rolex», темно-коричневый кожаный ремешок. Стильно, круто, солидно…

Портсигар с закругленными краями и небольшой кнопочкой в торце. Серебряный герб в верхнем левом углу хорошо оттеняется вороненой сталью. На обратной стороне – вензель из красиво переплетенных букв Д, Г, Т, тоже из серебра.

Внутри на крышке – золоченая гравировка «Спасителю моей дочери от А. Ф.». Фраза короткая, но вряд ли кто-нибудь еще может такой похвастаться…

Папочка с дипломом о присвоении фамильного герба, и под красивым цветным рисунком официальное описание оного: «В червленом поле рука в серебряных латах, выходящая из белого облака, поражает чёрного змия золотым копьём, увенчанным орденом святого Георгия. На щите дворянский коронованный шлем с нашлемником из трех страусовых перьев. Намёт шлема червлёный, подложенный серебром…»

Но самое главное – не это! Самое главное, по словам Ольги Николаевны, через две недели в батальоне будет высочайший смотр. И не просто так, а при вручении знамени!.. А помимо этого великая княжна – как шеф батальона – одарит всех офицеров новомодными кортиками со всеми полагающимися знаками отличия. Но один знак будет у всех. На верхней оковке ножен возле кольца выгравирован «Веселый Роджер», он же «Адамова голова». Череп со скрещенными под ним костями, эмблема только-только создаваемых ударных частей, символизирующая готовность биться насмерть, не щадя своей крови и самой жизни…

Надо срочно ехать на базу! Завтра же забираю своих головорезов из Ораниенбаума – и домой! Да, и не забыть заскочить в училище! Есть там «Общество воспомоществования бывшим кадетам Павловского кадетского корпуса и юнкерам Павловского военного училища», где надо оставить хорошую сумму денег для помощи бедствующим выпускникам или семьям погибших. Неписаные традиции тоже обязательны к исполнению…

Глава 3

«Мы накануне грандиозного шухера!» – примерно так, с точностью до смысла прозвучало сенсационное известие из уст теперь уже подполковника Бойко, приехавшего по личному поручению генерала Келлера. Три дня назад только появлялся, чтобы узнать, как прошел прием в Царском Селе, и выслушать мою версию случившегося на вокзале, а заодно и принести радостные вести, за что и был чуть не задушен в объятиях.

Не знаю, на какие потаённые кнопки и сколько раз Федор Артурович нажимал, но не успел я приехать из Питера, как на следующий день Валерий Антонович осчастливливает нас своим присутствием. Приехал вместе с портфелем и охраной, – как же, большая штабная шишка, начальник оперативного отдела штаба Сводного корпуса генерала Келлера. Правда, в тот раз из портфеля появились на свет радостные новости – высочайший указ о присвоении штабс-капитану Гурову-Томскому чина капитана со старшинством со дня выпуска из Павловского училища и приказ о назначении вышеупомянутого капитана командиром отдельного батальона, и т. д. и т. п.

Но сегодня, приняв мой официальный рапорт и обнявшись, как положено старым боевым друзьям в канцелярии батальона, господин подполковник попытался огорошить меня известием, к которому я был уже почти готов… Нет, задач по групповому захвату всех генералов кайзера нам ставить не стали, хотя лучше бы я выполнял эту задачу… Все гораздо интереснее: к нам едет… Блин, даже не ревизор, – это бы еще ладно… У Валерия Антоновича это прозвучало примерно так:

– К вам собирается его величество император Николай Второй со свитой!.. Батальон будет подвергнут высочайшему смотру, в ходе которого в торжественной обстановке будет вручено Георгиевское знамя!.. Вручать будет сам государь, за отличие над неприятелем в сражении под Нарочью!..

Далее несколько минут следовало военно-философское эссе о том, что Высочайший смотр – это вам не хухры-мухры, не воробьям фиги в форточку показывать! Это значит – показывать результаты подготовки как каждого отдельно взятого солдата, так и всего героического батальона… Ну вот возжелал его величество поглядеть именно ваш батальон, и всё тут. То ли вспомнил обещание, данное в госпитале, то ли с подачи Михаила Александровича и Федора Артуровича заинтересовался…

Эпилог был более оптимистичным: с государем прибудет шеф батальона великая княжна Ольга Николаевна, а также «случайно» оказавшийся в Ставке великий князь Михаил Александрович, ну и, конечно же, Федор Артурович с заместителем начальника штаба своего корпуса, то бишь с присутствующим здесь и сейчас подполковником Бойко. Последние двое – для поддержания вашего морального духа и составления оргвыводов. Короче говоря, мол, Денис Анатольевич, у вас на всё про всё двенадцать суток». И господин подполковник искренне не понимает, почему после этих известий господин капитан до сих пор

спокойно сидит и, многозначительно улыбаясь, покуривает, вместо того чтобы совершать хаотично-бессмысленные телодвижения с целью устранения еще не найденных недостатков…

Пришлось оформить явку с повинной и признаться, что для меня тайной оставалась только точная дата высочайшего визита, а с первого же дня моего возвращения командиры всех степеней, от взводного унтера до ротного, бегают как наскипидаренные. Проверяют документацию, клеймение обмундирования, бирки, описи… Немногочисленные залетчики белят известью гауптвахту и цейхгауз… В родной разведроте зверствует и пашет, как ишак персидский, подпоручик Оладьин…

Валерий Антонович после моих слов скорчил обиженно-кислую мину и недовольным тоном поинтересовался, почему я скрыл от начальства и старых друзей столь важную информацию. Пришлось как можно деликатнее объяснить, что в таких делах лучшая помощь начальства – не мешать, и что если бы доложил сразу, то к режиму ошпаренной кошки добавилось бы удовольствие в самый неподходящий момент выслушивать очень ценные указания коллег Валерия Антоновича и каждые пятнадцать минут бежать сломя голову к телефону, чтобы потом кто-нибудь из штабных имел удовольствие доложить его превосходительству, что приготовления идут полным ходом и штаб фиксирует все изменения обстановки. А если старые друзья действительно хотят помочь, пусть посодействуют решению вопроса с печатями, а то в последний момент выяснилось, что у разведчиков ротная печать устарела, а в остальных ротах вообще отсутствует как понятие.

Сменив гнев на милость, Валерий Антонович признал, что доля правды в моих словах есть, но все равно обозвал тихушником и прохиндеем, после чего мы стали разбираться, что уже сделано, что еще предстоит сделать и в какой последовательности это лучше воплощать в жизнь…

* * *

М-дя-с, оброс батальон хозяйством. И ведь ничего лишнего, ничего не выкинешь. Все согласно Приказу по военному ведомству от 1912 г. за № 384. И всё это богатство надо подшаманить, разложить поштучно, по номерам и по комплектности, чтоб не краснеть потом, как помидоры в салате.

Поэтому сейчас у нас имеет место быть полный и перманентный аврал – пытаемся привести все в идеальное состояние… ну или близкое к идеальному. Все-таки подразделение, непосредственно участвующее в боях. Хозрота из нестроевых и без того порядок поддерживала – на общем фоне очень даже на уровне. Ну так нам же не надо как на общем фоне? Потому как мы – лучшие! И будем такими! Да и вообще, стоит задача – поразить и удивить? Поразим и удивим! Нет таких крепостей, которые не могли бы взять больш… Э… пардон, это не отсюда, хоть и в тему…

После получения известия о посещении, во избежание, так сказать, возникновения недопонимания со стороны нижних чинов и повышения уровня народной сознательности, на построении батальона я толкнул речь, так мол и так, – мы лучшие, круче нас – никто, никогда и нигде, кроме горы Казбек, да и вообще, – никто кроме нас. Прониклись, стараются с каким то озверением и остервенением… А как же? Мы ж – «гуровцы!» Не абы какое мурло! Ну а я другой реакции от своих бойцов, готовых умереть за батальон и меня лично, не ждал, естественно. А как вы хотели, ексель-моксель? Воспитываем, ёшкин кот…

Занятия по боевой подготовке моим мудрым решением сведены к одному предмету. К бурной радости всего личного состава, понявшего, что в течение какого-то времени не надо будет бегать, ползать и другими способами издеваться над организмом. Через короткий промежуток времени, правда, всем захотелось вернуться в прекрасное безоблачное прошлое, потому как маршировать по плацу – то еще удовольствие, особенно когда оно длится целый день.

Все свободные от нарядов и караулов старательно месят гравий плаца. Картина впечатляющая – без малого тысяча человек, в несколько этапов, сначала пошереножно, потом повзводно-поротно, оттачивают строевую выучку. Спасибо родной Можайке, что не приходится ничего придумывать и изобретать методики, – чай, и там к парадам готовились.

Да и сам не чураюсь подобного. Выкраиваю час-два ежедневно, дабы под чутким руководством Дольского отрабатывать все эти «шашки подвысь», да прочие нюансы нынешних экзерциций до автоматизма. Анатоль всё же у нас – выпускник Николаевского кавалерийского, кадровый офицер, белая кость-с… Вот и учит меня, убогого, как отдавать честь, как прогибаться перед начальством. Тут ведь самый шик – ладонь лодочкой делать. А то махнешь рукой с прямой ладонью, как в конце двадцатого века, и все увидят, что капитан –

лошара…

Вот так и ношусь, как свадебная лошадь… В смысле, что голова в цветах, а ж…па – в мыле. А вечером, когда родные подчиненные уже балдеют-отдыхают, я снова учу уставы.

Вот и сейчас, только и успели их благородие откушать, то есть я, и – опять читать-учить-зубрить.

О воин, службою живущий,

Читай устав на сон грядущий.

И утром, ото сна восстав, —

Усиленно читай устав…

Так, что мы тут имеем в активе?… Полевой службы 1912 года – на фиг, устав обучения штыковому бою, наставления по гимнастике – туда же, в смысле на фиг и к логопеду, – гимнастика имени меня покруче будет…

А вот Строевой пехотный 1908 года, Внутренней службы 1910 года и, главное, – Правила для парадов и церемоний 1902 года, Приказ по военному ведомству № 238 – изучаем-с! Ибо нет предела совершенству! А вот эти две занудные книженции – «Хозяйство в роте, эскадроне и сотне» 1914 года и «Справочная книжка для инспекторского смотра пехоты» господина В. Пржилуцкого 1910 года – я уже проштудировал и опробовал на практике. А что вы хотите – батальонный командир я, или так, погулять вышел?

Стемнело уже, а я все перед керосинкой сижу. Хватит! Уставы-наставления в сторону, берем карандаш с рабочим блокнотом, подводим итоги за день…

Едрид-мадрид… Что нам еще осталось? Так… Канцелярию с библиотекой привели в божеский вид, документацию по строевой части в ротах проверил… помещения учебной команды обновили… барабанщики и горнисты – пробарабанят и прогорнят… Так… Прачечная, карцер – ставлю плюсик… А за это у меня месье Оладьин получит люлей с утра пораньше, или – «со-срання», как говорит мой лучший телефонист. Сергей Дмитриевич мне ответочку будет давать по готовому «Журналу военных действий батальона» и полевым книжкам

господ офицеров. А вот дражайший мой друг и «лепший кореш» Анатоль будет мне давать отчет… по фуражным отчетным листам и ковочным книжкам. Остальное у него готово… Обводим данных господ офицеров карандашиком…

За окном канцелярии слышится голос Шаляпина. Это в районе лазарета завели патефон.

Жил-был король когда-то, при нём блоха жила.

Блоха… блоха.

Милей родного брата она ему была. Блоха!

Ха-ха-ха-ха-ха, блоха!

Ха-ха-ха-ха-ха, блоха!

Твою ж налево! Этот доктор-меломан пластинки новые приобрел. Доктор! Ёкарный бабай! Что ж вы про блох-то пластинку купили? Весь рабочий настрой мне сбиваете-с!..

Кстати о докторе, по лазарету ставлю плюсик, да и вышеупомянутых зверей в компании со вшами нет у нас… А по столовой мне Паша-Айболит ответит… завтра… Хоть у Ганны нашей там и порядок идеальный, но кастрюли и разделочные доски были не подписаны. Обязательно ведь какой-нибудь чмырь штабной из свитских вылезет и залезет не туда. Каптенармус наш, унтер Платоша Ковригин, завтра мне готовую трибуну показывает, а заодно новенькие доски на кухню… И последнее – разместить музыкальную команду, то бишь оркестр. Федор Артурович после неофициального визита и непродолжительного секретного разговора за закрытыми дверями канцелярии откомандировал в честь такого события…

Всё! Не могу больше! Хватит на сегодня! Завтра еще один день. Лучше пять раз к немцам в тыл сходить, чем заниматься войсковым хозяйством. А на сегодня я – всё! Хороший еврейский анекдот рассказал недавно бойцам на перекуре Яша Хаймаев: «Помер еврей в Херсоне. Родня отправляет телеграмму в Одессу родне. А чтоб подешевле было – написали покороче: «“Изя всё!” И пришел ответ из Одессы: “Ой!”»

Вот и я сегодня – «всё!». А если буду свои извилины насиловать и дальше, то точно будет мне – «Ой!»…

А сейчас – спать-спать-спать… Под песню-колыбельную о бляхах… или блюхах… или блохах… Тьфу ты, привязалось! Всё! Спать, я сказал!..

* * *

Весна, солнце, утро… Лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас… Я себя уже так накрутил за эти дни, что самому тошно… Всё, что можно было сделать – сделали, что нельзя – спрятали и замаскировали. Да и, с другой стороны, здесь на многие вещи проще смотрят, никто не поймет в этом времени факта покраски травы. Но волнуюсь всё же конкретно…

К одиннадцати ждем высочайших гостей. Бойцы в казармах наводят на себе последний глянец – чистят кресты, плюют сахаром на сапоги. Шутка ли – не кто-то там едет – а САМ «государь-император». В караулах и нарядах – исключительно учебная команда, у которой хвосты накручены во избежание…

Время уже десять пятьдесят три… Ну где же они?..

Наконец запыхавшийся дежурный по штабу докладывает, – заранее выставленная «фишка» в виде замаскированного по всем правилам поста с телефоном на дальних подступах к батальону сработала, как и было задумано, – ЕДУТ! Машу рукой горнисту – «Давай, родной, дуди дудку!»

По сигналу горна к плацу шествуют мои господа офицеры, спешат бойцы под чутким и мудрым руководством унтеров и фельдфебелей. А я уже тут, сияющий «як тая нова копийка». Командую:

– Становись!.. Оправиться!..

Солдатушки и благородия обмахивают несуществующие пылинки на сапогах, поправляют амуницию. Жуткое мандраже у меня разыгралось что-то совсем не ко времени… После пятиминутной суеты батальон застыл…

Осматриваю моих красавцев. В строю – все боевые, усы топорщатся, кресты и медали начищены, чубы казаков торчат из-под фуражек. Орлы! Почти все – георгиевские кавалеры, даже фельдшер Игнат Тимофеевич – и то с Георгием. Это их праздник в первую очередь!

Первая рота – моё детище, спецназ, аналогов которому в этом мире еще нет и, надеюсь, что не скоро появится. Вторая – конно-штурмовая Дольского, орлы-кентавры. Третья – «янычары» Димитра Стефанова, пешие штурмовики, первая шеренга с «мадсенами» у ноги. Четвертая – Волгин, Котяра со своими пэтээрщиками имени Гана-Крнка, саперы – подпоручик Коля Бер, студенты в первом ряду красуются унтерскими лычками и блестят Георгиями… На левом фланге – учебная команда и чистенький Данилка Адамкевич с очень серьезным лицом в новой форме и в сияющих на солнце сапогах. Хм… молодца, однако…

На правом фланге первыми – ротные барабанщики, за ними – Сергей Дмитриевич, как командир первой роты, с ним – будущий знаменосец подхорунжий Митяев, весь в крестах и медалях, ассистентами – унтера Гордей и Боря Сомов. Нарядные – хоть сейчас под венец, через плечо у всех троих – панталеры, обшитые унтер-офицерским галуном зигзагом… Вчера вечером провели генеральный прогон смотра. Ну вроде бы не должны обос…рамиться…

Для высочайших гостей и дам на площади отвели место рядом с дощатой трибуной, убранное коврами. Отец Александр уже тут, сочувственно и понимающе кивает мне и благословляет крестным знамением. Ух!.. Отче наш, иже еси на небеси…

Еще раз осматриваю себя: сапоги блестят, погоны новенькие, ордена и портупея в порядке. Поправляю темляк шашки. Ч-ч-чёрт! Где перчатки?.. Едрит твою дивизию! В кармане. Уф! Вопросительно киваю Михалычу, мол, как я, нормально? Тот в ответ незаметно показывает большой палец… Завтра, после всех этих плясок с бубном, Михалыч едет в Новочеркасск, в училище, сдавать экзамены экстерном. Эх, хороший благородие из него получится, кадровый, из низов! Моя школа!.. Хотя – да, еще неизвестно, кто кого и чему учил…

Да где же они там, эти высокие и высочайшие гости?.. Притомили кулаки, блин, Павлика Морозова… Ну, наконец-то!.. Вереница автомобилей въезжает на территорию батальона, за ними гарцуют лейб-конвойцы. Дождавшись, когда «лимузины» из гаража его величества подъедут к плацу, даю отмашку оркестру. Трубачи трубят «Слушайте все!». Теперь – шашку «подвысь», и ору

торжественно-командным голосом:

– Батальо-о-он… СЛУ-УШАЙ!.. Для встречи государя-императора… На кра-УЛ! – Чётко поворачиваюсь и под барабанный бой печатаю шаг. Пока вышагиваю, успеваю рассмотреть, кто нас удостоил посещением… Так, их величество собственной персоной, за ним – в гусарском мундире, высокий и худощавый Михаил Александрович, братец его величества и просто отличный мужик… Далее, в форме сестры милосердия, улыбающаяся приветливо (надеюсь – лично мне) княжна Ольга, «шефиня» нашего батальона… Ну, Федор Артурович, понятное дело… И ещё целая куча всяких сиятельств – прихлебателей-хвостозаносителей – в генеральских и свитских мундирах… О! Валерий Антонович! Да со всеми регалиями!.. Ну ни фига себе, скромнейший человек, ни разу ордена не светил! Штирлиц, блин! А у него там целый иконостас: Владимир 4-й степени, Анны 3-й и Станислава 3-й, и все – с мечами… Всё, в сторону лирику!..

Смолкают барабаны…

– Ваше императорское величество! Вверенный мне отдельный батальон специального назначения Второй армии по случаю высочайшего смотра и пожалования батальонного знамени построен! Докладывал батальонный командир капитан Гуров-Томский!

Шаг в сторону, разворот, шашку – вниз, и сопровождаю высочайших гостей. Оркестр по отмашке начинает играть чей-то там «Встречный марш»… Кажется, егерский…

Император, держа ладонь у козырька фуражки, вместе со всей честной компанией следует к центру плаца; затем, отмахнув музыкантам, государь здоровается:

– Здорово, молодцы-разведчики!

Общий вдох, и – отчетливое и громовое – «Здра-вия же-ла-ем ва-ше им-пе-ра-тор-ско-е ве-ли-чес-тво!»

Вижу, что величество рад такому молодцеватому ответу… А фигли он думал? Только в гвардии такое видал? Это всё две недели тренировок, когда

«императорами» по очереди были то Волгин, то я с Оладьиным попеременно, а то, бывало, и фельдфебель Остапец Дмитрий Иванович «амператором» работал…

Оп-па! Куда это он двинулся? Обходить батальон? Ну и я за ним, а уже за нами следуют высочества и свора, пардон, свита сиятельств. Обойдя строй, удивленно остановился возле выпятившего изо всех сил грудь Данилки.

– А ты кто таков, молодец?

– Воспитанник батальона рядовой Адамкевич, ваше императорское величество!

– И что ты здесь, в батальоне, делаешь, воспитанник?

– Готовлюсь германца воевать, ваше императорское величество! – Данилка от натуги и царского внимания покраснел аж до самых пяток, наверное.

– Молодец! – Государь улыбается бойкому и понравившемуся ответу и треплет парня по щеке… Затем, дойдя до левого фланга, опять возвращаемся к середине плаца. Поворачиваюсь к батальону и ору очередную команду:

– К но-ГЕ!

– Здравствуйте, капитан! Рад вас видеть! – Государь протягивает руку для приветствия.

– Здравия желаю, ваше императорское величество! – Пожимаю руку императору, потом Михаилу Александровичу, галантно целую руку княжне, ручкаюсь с остальными, не забывая каждому козырнуть «лодочкой». Здороваюсь с Валерием Антоновичем, тот явно искренне переживает и волнуется за меня… Келлер, злодей такой, пожимая мне руку, вопросительно смотрит… Да готовы мы, готовы, все сделаем в лучшем виде, как договаривались!..

Величество начинает проникновенную речь. Вижу, что бойцы мои впечатлены по самое-самое, шутка ли, – сам помазанник Божий… Увидели своими глазами и послушали своими ушами… Да и я сейчас… гы-гы… лицо, приближенное к императору, как Киса Воробьянинов… Царь-батюшка вещает о вековых

традициях русского воинства, благодарит за то, что не посрамили, что тронут храбростью и героизмом. А посему, высочайшим повелением, батальон нарекается «Первым отдельным Нарочанским её императорского высочества великой княжны Ольги Николаевны специального назначения батальоном» с пожалованием Георгиевского знамени «За отличие над неприятелем в боях 1915 и 1916 годов» с георгиевским навершием…

Затем выступает великая княжна Ольга и, смущаясь от устремленных на неё восторженных глаз, от всей души говорит, что благодаря нашему героическому батальону спасена честь Российской империи в её лице, посрамлен неприятель… И остальные бла-бла-бла… и, наконец, о величайшей чести и счастье быть шефом нашего хоть и молодого, но уже такого прославленного подразделения.

Пока высокие гости толкают речи, лейб-конвойцы устанавливают покрытый зеленым сукном стол, на котором блестит серебряное блюдо со специальными знаменными гвоздями и молоток для их прибивания, а затем аккуратно укладывают древко с медным подтоком и полотнище стяга. Успеваю рассмотреть почти уже наше знамя… Георгиевское полотнище образца 1900 года с малиновой каймой, по центру Спас Нерукотворный, по периметру рамки надпись «За отличие над неприятелем в боях под Равой в июле 1915 года и в боях под Нарочью в феврале 1916 года». Да! И в навершии черного древка – Георгиевский крест! Здесь же на столе Грамота государя-императора о пожаловании знамени… Когда Ольга Николаевна заканчивает говорить, по кивку государя командую:

– Барабанщики, первая полурота, господа офицеры – ПРЕД БАТАЛЬОН!

Выходят офицеры, знаменщики, знаменный взвод. Ревностно отслеживаю каждый шаг моих орлов, боюсь, чтоб кто-нибудь не накосячил… Уф!..Чувствую, как по спине бежит пот… Как будто десяток мешков потаскал. А всё еще впереди. Ничего – прорвемся!..

Граф Келлер, подойдя к столу и обернув запас полотнища знамени вокруг древка, наживляет верхний гвоздь и почтительно протягивает молоточек государю, который его и забивает. После его величества подходит Ольга Николаевна и неумело забивает второй гвоздик. Следующий гвоздь аккуратно вколачивает сам Федор Артурович, за ним подполковник Бойко, затем я, и уже за мной – мои господа офицеры, по старшинству. Под конец молоток берет покрасневший от волнения мой кровный братишка – подхорунжий Гриша

Митяев, одним ударом загоняет в древко гвоздь, затем передает Гордею… Тот – Сомову…

Всё!.. Полотнище закреплено последним гвоздем, и в торжественном безмолвии Николай Вторый, император и самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский и прочая, и прочая разворачивает высочайшую грамоту для прочтения. Над притихшим плацем звучит воля монарха:

– …Повелеваем знамя сие, освятив по установлению, употреблять на службу нам и Отечеству с верностью и усердием, Российскому воинству свойственными…

Долго всё это длится, чего тут говорить. Устал я… Потом выходит наш дивизионный благочинный отец Александр. Командую к молитве:

– Батальон!.. Смирно!.. Барабанщики – на молитву! Шапки – долой!..

Барабаны отбивают «повестку», и начинается молебен с акафистом и многолетием… Сперва – проповедь, объясняющая значение новых полковых святынь. После – молебствие памяти убиенных воинов, сложивших свои головы на поле брани за честь и славу Отечества. Честно говоря, очень это всё утомительно… Зато мандраж меня наконец покинул, уступив место тупому ожиданию и уверенному спокойствию. Вдруг понимаю, что всё идет своим чередом, что сделал всё, что мог, и даже больше, и что от меня уже ничего не зависит…

Наконец, окропив святой водой знамя, отец Александр при молитве вручает его коленопреклоненному Келлеру и двигается в обход батальона, тоже кропя его святой водой.

И вот он!.. Этот торжественный момент, когда командир Сводного кавалерийского корпуса генерал-лейтенант граф Федор Артурович Келлер, взяв в руки знамя, вручает его опустившемуся на колено командиру Первого отдельного Нарочанского батальона… То бишь – мне… Ну а я уже, раздуваясь от торжественности, и с полным удовлетворением от хорошо выполненной работы передаю наш стяг преклонившему колено Михалычу.

Первый знаменосец батальона подхорунжий Митяев берет знамя, салютует стягом императору и застывает в положении «К ноге». Замирают ассистенты… А

дальше речь толкает Федор Артурович. Проникновенно, просто и доходчиво для простого солдата:

– Господа офицеры, унтер-офицеры и солдаты! Дорогие мои боевые товарищи! Братцы! Вы видите, пред вами стоит здесь дар нашего царя-батюшки – святыня, в которой заключается честь, гордость и слава вашего батальона. Сие знамя свидетельствует, что вы, и разведчики, и штурмовики, в мыслях царских также близки его сердцу, как и те, что и на глазах. Приложите же все ваши силы, чтобы быть достойными оказанной вам милости, служите, чтобы радовать царя, а когда грянет час и снова окажетесь на передовой, покажите, на что вы способны для защиты святой веры, царя и Отечества.

Ну… Вроде и этот этап прошли… Краем глаза замечаю завистливые взгляды свитских на меня, мои награды, шашку. Ревнивые, прямо скажем, взгляды. М-да… Предупреждал ведь Федор Артурович, что много таких слащавых улыбочек еще увижу. А идите вы все лесом… Мне с вами детей не крестить, козлики! Что, интересно, вы в 1917-м делать будете? Небось, красные бантики повяжете и орать будете «Да здравствует свобода!»? Это мы еще посмотрим, будет ли здесь тот 1917-й!.. А пока лирику в сторону, продолжим, господа…

– На-КРОЙСЬ!

Бойцы надевают фуражки, почти незаметно выравниваются в шеренгах. Теперь знамя нужно пронести перед батальоном и поставить в строй, а посему снова командую:

– Под знамя!.. Слушай!.. На кра-УЛ!

Играют марш музыканты, барабанщики бьют «Под знамя», Серж Оладьин, взяв шашку подвысь, торжественно ведет знамя вместе со знаменной полуротой по фронту батальона. Лица бойцов торжественны, глаза сияют. Сейчас им – море по колено, океан – по плечо, а все враги – по… чуть пониже поясного ремня. Всё же, нужное это дело – воинские церемониалы, ох и нужное…

Поставив знаменщика, Оладьин опускает шашку и затем, взяв на плечо, возвращается на свое место. Господа офицеры расходятся по своим местам. Пора и мне на свое. Спешу на правый фланг стоящего поротно батальона… И вот уже государю подносят чарку, которую он принимает и закрывает

торжественную часть:

– Русский солдат во все времена был храбр, стоек и непобедим! Русский воинский устав учит: «Знамя есть священная хоругвь, под которой собираются все верные своему долгу воины и с которою они следуют в бой с врагом. Знамя должно напоминать солдату, что он присягал служить государю и Родине до потери самой жизни…» Сегодня вы обрели святыню – свое батальонное знамя! Будьте же достойны его! Поздравляю вас, молодцы-разведчики!..

Федор Артурович громогласно восклицает:

– Ура государю-императору!

Тысяча мужских глоток протяжно кричат троекратное «ура!», пока император опустошает чарку, и я ору вместе со всеми. Мы могучи и непобедимы, мы обрели ЗНАМЯ!.. Гремит оркестр, величественно звучит гимн. Тысяча луженых мужских глоток поют:

Сильный, державный,

Царствуй на славу, на славу нам!

Царствуй на страх врагам,

Царь православный!

Боже, царя храни!..

Я выжат как лимон… Еще немного… Еще чуть-чуть… Скоро финал… Поворачиваюсь лицом к строю:

– К церемониальному маршу!

Почеканили шаг линейные, офицеры вновь шагнули из строя, барабанщики вышли на десять шагов перед Оладьиным…

– Поротно! На одного линейного дистанция! Равнение направо! Первая полурота!

Сергей Дмитрич громко и торжественно командует:

– На пле-ЧО!

Слитный лязг оружия… шелест вынимаемых из ножен клинков… Беру шашку подвысь…

– Батальон!.. Шагом – МАРШ!

Одновременно под бой барабанов тысяча бойцов чеканит первый шаг. Слитный грохот сапог гремит по плацу батальона. Барабанщики замолкают, и в дело вступает медь оркестра. Как один могучий организм, мои бойцы, мои хлопцы, мои воины одновременно, мощно и легко печатают шаг с мужской силой и армейской точностью. В этом почти высшем человеческом движении есть какая-то страшная сила и суровое самоотречение…

За моей спиной развевается знамя с изображением Спаса Нерукотворного и гордо идёт Первый Отдельный Нарочанский великой княжны Ольги Николаевны специального назначения батальон. Мой батальон! Эти люди могут всё! А я шагаю впереди батальона, салютуя шашкой императору, и чувствую, что счастлив!

Отсалютовав, делаю четыре шага, снова шашку подвысь и резко сворачиваю к трибуне. Шаг, шаг, ещё шаг, удар каблуков друг о друга, поворот кругом. Всё, теперь без меня, так положено. Стараюсь краем глаза рассмотреть, каковы эмоции на трибуне. Ольга Николаевна машет платочком и улыбается, Царь-батюшка вроде тоже приосанился, молодцевато отдает честь… Идут мои орлы! Идут соколы! Блестят солнечными зайчиками шашки офицеров и ребятишек Дольского, звенят шпоры, четко ударяют сапоги. Головы повернуты направо, глаза поедают царя… Ну а сейчас вы, дорогие гости, еще больше удивитесь, мои орлы с песней пройдут «второй проход» мимо его величества…

* * *

Батальон почти на исходной, по команде переходит на походный шаг. Так… Слышу команду: «Правое плечо вперед – МАРШ!», пока всё по плану… Выход на финишную прямую… И песня!.. Марш нашего батальона!.. Долго думал-гадал, каким он будет, благо, выбор был. Но после долгих раздумий решил взять самую лучшую, на мой взгляд, песню. Чуть-чуть переделанную…

Здесь птицы не поют,

Деревья не растут,

И только мы, плечом к плечу,

Врастаем в землю тут.

Горит и кружится планета,

Над нашей родиною дым,

И значит, нам нужна одна победа,

Одна на всех – мы за ценой не постоим.

Одна на всех – мы за ценой не постоим.

Нас ждет огонь смертельный,

И все ж бессилен он.

Сомненья прочь, уходит в ночь отдельный,

Отдельный наш, специальный батальон.

Отдельный наш, специальный батальон.

Едва огонь угас -

Звучит другой приказ,

И почтальон сойдет с ума, разыскивая нас.

Взлетает красная ракета,

Бьет пулемет, неутомим…

И значит, нам нужна одна победа,

Одна на всех – мы за ценой не постоим…

Замерев, стоят величества, высочества и сиятельства… Вслушиваются в слова песни. Вон, Ольга Николаевна платочек чуть ли не до дыр истеребила. Конечно! Вы такого не слышали, тут вам не художественно-пантомическая композиция,

как говорит доктор Паша. Это вам мои мужики идут, – воины, защитники земли Русской!..

От припятских болот

Война нас доведет

До самых вражеских ворот.

Вперед, друзья, вперед!

Когда-нибудь мы вспомним это,

И не поверится самим.

А нынче нам нужна одна победа,

Одна на всех – мы за ценой не постоим.

Одна на всех – мы за ценой не постоим…

Не то чтобы «высокий ареопаг» был в шоке, но впечатлились все по полной. Да и у меня законная гордость в одном месте до сих пор свербит. Несмотря на то, что и сам под гитару напевал господам офицерам, и потом ротным запевалам «показывал», и на репетициях глотку драл вместе со всеми. Но сегодня парни превзошли самих себя…

– Господин капитан, чья это песня? – вполне искренне интересуется император. – Я до сих пор ни разу подобного не слышал.

Не успеваю дать уклончиво-обтекаемый ответ, как Келлер подставляет меня по полной, да еще и получает от этого удовольствие, судя по довольной улыбке:

– Ваше величество, автор перед вами. Признавайтесь, господин капитан, лавры вашего знаменитого тезки, Дениса Васильевича Давыдова, покою не дают? Я имел удовольствие беседовать с вашей тогда еще будущей супругой, когда она выхаживала вас после ранения. Дарья Александровна рассказала, что вы на досуге пописываете стихи и немножко музицируете.

Изображаем вполне понятное смущение под перекрестным обстрелом пристальных взглядов присутствующих и продолжаем разыгрывать запланированную с Федором Артуровичем сценку «Разоблачение поэта». В последнюю нашу встречу академик с генералом, несмотря на отчаянное сопротивление, взвалили на мою хрупкую шею еще и проблему контрпропаганды с помощью стихотворных и музыкальных творений из будущего…

– Да-да, мне она тоже говорила нечто подобное! – подтверждает нашу версию Ольга Николаевна.

– Прошу меня извинить, наверное, вы её неправильно поняли. Дело в том, что… Я имею честь быть знакомым с человеком, пишущим стихи, и по его просьбе пытался переложить их в меру своих сил на музыку… К сожалению, я дал слово офицера, что не открою никому его имени. Он очень скромен, я бы даже сказал – застенчив, и громкая слава его вовсе не интересует… Марш для батальона написал он, я лишь попытался переложить его на музыку.

– Ну, что ж, вам это вполне удалось, – понимающе улыбаясь, подводит итог император. – Но давайте продолжим, господа. Федор Артурович, вы обещали нам некое зрелище на учебном поле. Так идемте…

По дороге его величество интересуется, где и каким образом мы умудрились обзавестись воспитанником. Приходится вкратце рассказать ему историю Лесечки и Данилки, особенно упирая на то, что господа минские полицейские не смогли отыскать горе-родителей… Меня снова поддерживает наша «шефиня» Ольга Николаевна:

– Да, кто-то мне уже рассказывал о подобном. Кажется, княжна Софья Андреевна Гагарина… Это тоже были вы, Денис Анатольевич? А как удалось уговорить преступников отдать детей?

Ну вот, блин, только обрадовался, что можно соскользнуть с темы, – и на тебе!.. И кто вас, ваше высочество, за язык дернул? Поговорку о том, что любопытство сгубило кошку, не учили?..

– За девчушку отдал деньги, которые просила хозяйка притона, правда, не подозревая, что забираю ребенка навсегда. А брата отдал уголовник, решив, что

собственное здоровье всё-таки дороже денег… – Вот только не хватало мне рассказывать подробности любопытным девушкам, да и сам император слушает с интересом, я уж не говорю про свитских, те вообще превратились в одно большое ухо. – Благодаря Софье Андреевне детей не забрали в приют, а оставили в батальоне. О чем ни мы, ни малыши, кажется, не жалеем…

Глава 4

Ну вот, слава богу, пришли на тактическое поле, где уже построены мои любимчики, мои «призраки», моя разведывательно-диверсионная рота. Парни уже успели скинуть парадную – «по первому сроку» – форму и переодеться, приготовившись показать, на что способны. И каким-то непонятным образом преобразились, или мне просто так кажется?.. Гордая торжественность плаца здесь уступила место реальному ощущению опасности, исходящей от бойцов. Такое ощущение, что в каждом проснулась и расправила свой капюшон кобра, бросок которой молниеносен, неотвратим и смертелен. И, судя по притихшим разговорам свитских за спиной, они подсознательно придерживаются того же мнения. Может быть, почувствовали разницу между тигром на арене цирка и такой же зверюгой на охоте, когда еще неизвестно, кто будет дичью. Даже конвойцы как-то подобрались, серьёзно и настороженно оглядывают строй, придвинувшись на всякий случай поближе к охраняемым персонам. Напряженность снимает Федор Артурович:

– Ваше величество! По докладу батальонного командира в честь высочайшего посещения была отрепетирована… м-м-м… некая, в своём роде, гимнастическая композиция… Разрешите вам её представить!..

Дождавшись утвердительного ответа и не обращая внимания на ехидные улыбочки сопровождающих, ясно говорившие, мол, капитанишка прогибается, сейчас, типа, нас удивлять будет какой-нибудь сокольской гимнастикой, даю отмашку Сергею Дмитричу. Тот негромко что-то командует, и…

Единым движением, неуловимым непосвященному взгляду, бойцы перестраиваются, освобождая прямоугольник шагов пятьдесят на тридцать… Сколько времени ушло на расчеты и тренировки – словами не передать! Но, похоже, то, что задумывали – получилось. А задумывались показательные

выступления, вошедшие в моду у десантуры, морпехов, ОМОНов и прочих спецподразделений в конце девяностых. Естественно, с поправкой на начало века, потому, как разбивание бутылок, кирпичей и прочих твердых предметов головой, руками и другими частями тела сейчас будет понято не совсем адекватно. Но в остальном…

В центре площадки уже стоят мои «первенцы». Это даже не Первый Состав, а Самые-Самые Первые… Михалыч, Митяй и Гриня… Стоящие сзади казаки во главе с Андрейкой-Зингером затягивают «На Шамиля». Три шашки вылетают из ножен и, блестя на солнце, начинают синхронный разбег. Клинки, разбрызгивая по сторонам блики, порхают в весеннем ветерке. Со стороны кажется, что троица окружена мерцающе-серебристой завесой… В нужный момент они на мгновение останавливаются, и стоящие сзади перекидывают им шашки под вторую руку. И теперь уже шесть дышащих смертью полос остро заточенной стали купаются в голубом весеннем небе…

Украдкой смотрю на реакцию зрителей. Император довольно улыбается, великая княжна завороженно смотрит на мерцание боевых клинков, скорее всего, такого она еще никогда не видела. Свитские стоят с дежурно безразличными улыбками, часть лейб-конвойцев всем своим видом показывает, что, мол, ничего тут особенного нет, они еще и не такое могут. Вторая часть, более азартная, неосознанно пытается «подыграть» выступающим, чуть заметно поводя плечами и прокручивая кисти рук. О том, что они должны охранять самодержца и его дочь, не отвлекаясь ни на какие спектакли, никто не думает…

Песня и фланкировка заканчиваются одновременно. Шашки у всех троих замирают, скрестившись над головой, затем резко опускаются вниз. Казаки быстро делают несколько шагов назад, освобождая место следующей группе. Двенадцать бойцов выстраиваются тремя шеренгами, набирают интервал и дистанцию в четыре шага и замирают. Короткие артиллерийские карабины – в положении «к ноге». Серж Оладьин громко командует «Счет», и – понеслась! Вот этого вы, господа, уж точно никогда и нигде не видели! Комплекс рукопашного боя с автом… карабином, творчески составленный применительно к современным реалиям на основе НФП!..

Раз! Уход в стойку, карабины взлетают вверх, приклад закрывает правый бок, мушка – на уровне глаз!.. Два! Отбив вправо и тычок стволом в горло воображаемому противнику!.. Три! Шаг правой и удар прикладом сбоку!.. Четыре! Слитный разворот назад и еще дюжина виртуальных гансов получает

удар затыльником приклада в голову!.. Пять!.. Разворот вправо, верхний блок карабином и удар ногой в живот!.. Шесть!..

Теперь уже все присутствующие с неподдельным интересом следят за единым многоруким организмом, вооруженным двенадцатью «маузерами». Подождите, сейчас и не такое увидите!.. Шестнадцать!.. Бойцы уступают место следующей группе. Без оружия, если не считать таковым трофейные штык-ножи… Оладьин снова командует «Счет», и гости наблюдают следующий сюрприз…

Мелькают клинки, чередуясь с разворотами, блоками и ударами. Всё происходит одновременно под слитный рев: «…Пять!.. Шесть!.. Семь!..» Даже лейб-конвойцы, подавшись вперед, во все глаза смотрят на новое для них действо… «Пятнадцать!.. Шестнадцать!..» Всё! А вот теперь начинается самое интересное!..

На середину выходит «вражеский часовой», проходит немного дальше, разворачивается, успевает сделать еще пару шагов, как сзади на него обрушивается «разведчик». Захват сзади за шею, бросок, атакующий прыгает сверху, и в землю возле горла «бусурманина» вонзается штык-нож… Свитские непроизвольно дергаются, Ольга Николаевна испуганно вскрикивает, но оба бойца уже на ногах и освобождают место следующей паре. «Враг» конвоирует «нашего», идет сзади и пару раз толкает его в спину прикладом, чтобы тот побыстрее пошевеливался. Последний толчок разворачивает бойца вокруг оси, скользящий шаг за противника, левая рука захватывает цевье, правый локоть летит в висок одновременно с подсечкой, «чужой» падает, рядом с его головой с металлическим стуком приземляется затыльник приклада… Следующая пара… Следующая… Бойцы с каким-то уже нездоровым азартом месят друг друга, так скоро и до фулл-контакта докатятся… Вошли в раж, ребятки, перед самим императором выучку показывают… Штык против карабина… Карабин против карабина… Голые руки против штыка… Все, выступление закончено! Рота вновь замирает в строю…

Император довольным жестом оглаживает бороду и зычно провозглашает:

– Молодцы! Благодарю за службу!

Ответный рёв: «Рады стараться, ваше императорское величество!» слышен, наверное, аж на другом конце Минска.

– Господин капитан, вы меня приятно удивили! Таким манером штыковой бой мне еще никто не показывал, признаться, несколько необычно, но – впечатляет! – Самодержец всея Руси довольно улыбается. – Ну а то, что потом творили ваши разведчики, – вовсе фантастика! Вы до всего этого сами додумались?

– Вместе с офицерами батальона, ваше императорское величество. – Правду о том, что в создании «шедевра» приняли активное участие опытные вояки-рукопашники из казаков, унтеров и простых солдат, говорить не буду. Не поймут-с, – дикари! Краем глаза замечаю многозначительную улыбку великого князя Михаила.

– Капитан, а почему у ваших солдат германское оружие? Что, наши винтовки хуже? – интересуется один из свитских генералов.

– Никак нет, ваше превосходительство. Что добыли в бою, тем и воюем. А вообще, для разведчиков трофейное оружие больше подходит, – легче пополнять боезапас. – И о том, что пешая сотня погранцов прибыла аж с тремя наганами-карабинами и десятком берданок, тоже умолчим, не будем портить праздник государю.

– Хорошо, вы хотели что-то ещё продемонстрировать, господин капитан? – великий князь Михаил приходит на выручку, показывая рукой на томящихся и изнывающих возле броневика штурмовиков во главе с Димитром Стефановым.

Государь-император, сопровождаемый свитой, подходит к броннику, командует «Вольно» вытянувшимся во фрунт бойцам и с интересом разглядывает наше чудо на колесах. Для показа взяли машину, недавно прибывшую из Гомеля и вооруженную трофейным МГ-шником с самодельным наклонным щитком.

– Интересное авто… Откуда оно у вас?

– Ваше императорское величество, нам передали три автомобиля, бронирование осуществлялось в железнодорожных мастерских. Один вооружен сорокасемимиллиметровой пушкой Гочкиса и предназначен для подавления огневых точек, два других – пулеметами и должны участвовать в атаке вместе со штурмовиками.

Самодержец всея Руси протискивается внутрь, устраивается на водительском месте. У меня волосы встают дыбом от внезапной мысли, что сейчас он скомандует: «Заводи!» и – либо сам угробится, либо машину угробит на наших буераках. Но, слава богу, высочайшего любопытства хватает только на то, чтобы покрутить руль, подергать рычаги и понажимать на педали. Затем, довольный до невозможности, он вылезает наружу, и мы продолжаем разговор.

– Такой способ бронирования я уже видел. Автор проекта – кто-то из офицеров стрелковой школы, если не ошибаюсь.

– Так точно, ваше императорское величество. Штабс-капитан Мгебров помогал проводить испытания одного из автомобилей в Ораниенбауме.

– И как результаты? – Самодержец заинтересованно смотрит на меня, ожидая ответа.

– Пробитие бортов с дистанции в семьдесят шагов, лобовая проекция выдержала все попадания.

– Хм-м, неплохо… А зачем ему столько колес?

– Для повышения проходимости. Привод осуществляется на две задние оси с помощью цепей Галля, вот эти колеса закреплены свободно и вращаются. – Показываю на запаску, висящую перед бронедверкой. – Помогают выбираться из рвов и преодолевать окопы.

– Господин капитан, объясните подробней, что вы собираетесь нам показывать, чтобы было понятней, – приходит на помощь Федор Артурович, как бы невзначай обводя рукой свитских шаркунов.

– Вон там находятся окопы, занятые условным противником, роль которого выполняют мешки с песком, выступающие на две ладони над бруствером. Штурмовики двумя колоннами, прикрываясь бронеавтомобилем, выдвигаются на дистанцию в пятьдесят-семьдесят шагов, затем разворачиваются в цепь и, прикрывая друг друга, атакуют окопы…

– Мешки, небось, заранее продырявлены… – сбоку доносится еле слышное хмыкание кого-то из свитских. Не, ну это вопрос решаемый! Оборачиваюсь к генералам от паркета:

– Если желаете-с, можем сходить осмотреть целостность «кайзеровских солдат». А еще лучше – с разрешения его императорского величества приглашаю сомневающихся пересидеть атаку там же, в окопе.

– Не боитесь попасть под шальную пулю, господин капитан? – Великий князь Михаил испытующе смотрит на меня.

– Никак нет, ваше императорское высочество. Гранаты сегодня использоваться не будут, так что на дне окопа совершенно безопасно, сам проверял.

– Решили изобрести новую тактику? – император вновь вступает в разговор.

– Ваше императорское величество, как мне рассказали в Офицерской стрелковой школе, первым подобное предложил штабс-капитан Поплавко, сейчас он пробует реализовать свои задумки на Юго-Западном фронте. Я лишь внес небольшие дополнения…

– Хорошо! – Николай подводит итог. – Давайте посмотрим.

БТР трогается с места, за ним топает две «ниточки» бойцов с оружием наготове. Всё это, наверное, прекрасно видно в бинокли, которых я притащил целых три штуки. Только августейшим особам. Мы с Федором Артуровичем это уже видели, а остальным, как я думаю, подробности абсолютно ни к чему.

Пулемёт долбит длинными очередями, стараясь подавить молчащие окопы… Время! В воздух уходит ракета, пущенная Стефановым, «янычары» шустро разворачиваются в цепь по обе стороны от бронника и перекатами рвут в атаку. Пулеметные очереди, грохот винтовочных выстрелов, бойцы несутся так, что обгоняют БТР. Слава богу, Ильюша Буртасов, сидящий за рулем, это замечает и поддает газку…

А потом мы идем смотреть на последствия этого «стихийного бедствия». Перепаханный пулями бруствер, разлохмаченные в клочья мешки, часть из

которых валяется на дне, – вся эта картина императору вроде нравится. Но без критики не обходится:

– Без сомнения, что-то в этом есть. Но расход патронов гораздо больше против обычного.

– Ненамного, ваше императорское величество. Зато действенность огня возрастает за счет того, что в любую секунду половина солдат стреляют прицельно с колена, а не на бегу. Тем более что так будут действовать подразделения прорыва, а остальным останется только закрепиться на захваченных рубежах. А если ударные и штурмовые батальоны вооружить автоматическим оружием, эффективность таких атак только возрастет.

– Ваше императорское величество, осмелюсь напомнить наш давешний разговор, – Келлер при этих словах хитро улыбается.

– Я помню, Федор Артурович. И думаю, что соглашусь с вашим предложением. А сейчас, насколько понимаю, – обеденное время?

* * *

Зная железное правило Николая II везде, где он бывает, снимать пробу с солдатского котла, веду всех в «летнюю столовую», где Ганна, как угорелая, уже третий час мечется от одной полевой кухни к другой, проверяя, всё ли в порядке.

Место приёма пищи производит на наших гостей благоприятное впечатление. В том числе и своей грандиозностью. Как-никак почти тысяча человек должна одновременно позавтракать, пообедать и поужинать. Зимой использовали для этих целей пустующие казармы, а сейчас, когда уже тепло, – на поле стоят поротно полевые кухни с тянущимися за ними столами и лавками. Нестроевая рота, изображая очень шустрых муравьев, заканчивает расставлять миски и тарелки с хлебом. Возле одной из кухонь самодержец торжественно угостился аппетитным гороховым супчиком, в другом месте попробовал наваристой каши с жареной говядинкой и в целом остался доволен. Теперь – последний пункт официальной программы…

– Разрешите от имени офицеров батальона пригласить ваше императорское величество и всех присутствующих пообедать за нашим табльдотом.

Его величество благосклонно принимает приглашение, и мы следуем в «офицерское собрание» рядом с лазаретом. На лицах свитских видно слегка брезгливое выражение. Ну уж извините, здесь вам не тут, в смысле – не «Метрополь» и не «Яр». Впрочем, даже если и понравится угощение, всё равно ведь будете жрать в три горла и кричать, как всё отвратительно и невкусно.

Почти сразу же нам навстречу попадается Лесечка-Лисичка, несущая стопку рушников. Увидев нашу весёлую компанию, она делает огромные круглые глаза и в панике несется предупреждать «цётку Ганну», что вызывает улыбки присутствующих и звонкий смех Ольги Николаевны.

Обед проходит «на уровне» во всех смыслах. Кувертов из шестнадцати предметов на персону, конечно, мы не набрали, но недавно купленный сервиз, на мой взгляд, смотрелся вполне достойно. Что касается еды, то сегодня Ганна превзошла саму себя. Понятное дело, что и господа офицеры скинулись ради такого события, и я залез в «секретную» кубышку, и Валерий Антонович выделил толику малую из сумм, не подлежащих обязательной отчетности.

Но девчонке тоже досталось. Поднялась ни свет ни заря и целый день носилась, как реактивная, присев отдохнуть, может быть, пару раз на пару минут… Келлер и Бойко, знающие способности нашей поварихи, сразу спокойно приступают к еде, да и остальные очень быстро меняют здоровое недоверие на желание побыстрее очистить всю посуду.

После копченой буженинки, нашпигованной чесноком, студня и соленых груздей в сметане, варварскому уничтожению под прикрытием правил изысканного поведения за столом в приличном обществе подверглись суп из говядины с пирожками, жареный поросенок в клюквенном взваре с гречневой кашей, телячьи ножки под соусом пулетт и куриные котлеты по-пожарски.

Пребывая в отличном расположении духа после всего этого гастрономического великолепия, император решил лично поблагодарить талантливого повара. Пришлось чуть ли не силой вытаскивать на свет божий нашу «нестроевую вольноопределяющуюся». Ганна, покраснев от смущения до ярко-пунцового цвета, пытается что-то лепетать, причем акцент ее от волнения становится еще

более заметен, но самодержец благодушным жестом останавливает это издевательство над уставным обращением младшего по чину к старшему начальнику.

– Спасибо, голубушка, вкусно накормила! – Его величество протягивает Ганне золотой империал. – Прими за труды. Не тяжело тебе управляться с таким большим хозяйством?..

Он обращается ко мне:

– Господин капитан, насколько я понял, она отвечает за питание и господ офицеров, и нижних чинов? Не слишком ли тяжёлая ноша для такой хрупкой девицы? – Он окидывает взглядом ладную фигурку в подогнанной форме.

– Никак нет, ваше императорское величество. Такая служба ей нравится, а ротные кашевары слушаются ее беспрекословно и все указания выполняют моментально.

– Это еще почему, хотелось бы узнать? – опять этот свитский генерал проявляет излишнее любопытство.

– Потому что, ваше превосходительство, в противном случае к ним может прийти выборная делегация от разведчиков или штурмовиков и очень дотошно поинтересоваться, почему на обед было вкусно, а на ужин – не очень. И что им нужно сделать, чтобы это исправить. Тем более что ее жених служит в роте огневой поддержки. Старший унтер-офицер Федор Ермошин, георгиевский кавалер, имеет два креста и медаль «За храбрость», последний раз отличился в Нарочанской операции. Командует отделением тяжелых ружей.

– Это что еще за отделение? – интересуется еще один свитский. – В высочайше утвержденном штате оно наличествует?

– Так точно. На вооружении состоит пять двадцатилинейных крепостных ружей Гана-Крнка…

– Да, я помню его, одного Георгия вручал лично, – произносит император, мельком взглянув на покрасневшую Ольгу Николаевну. Видать, крепенько

досталось тогда княжне на орехи от батюшки. – Ну, раз жених… Тогда держи еще и на свадьбу.

Царь подзывает любопытного свитского, который, оказывается, работает «ходячим сейфом», берёт из подставленного кошелька пару золотых империалов и вручает вконец засмущавшейся Ганне. Та, ещё раз пролепетав слова благодарности, с облегчением вздыхает и исчезает с монарших глаз подальше.

Уделив нам еще минут двадцать своего августейшего внимания, государь со свитой отправляется дальше по своим царственным делам. С ним следует и великая княжна, предупредив, однако, что вскорости вернется для одного важного дела…

Когда кортеж исчезает из поля зрения, стоявший рядом Федор Артурович тихонько, чтобы никто не слышал, делает интересный вывод:

– Да, Денис Анатольевич, не бывать вам царедворцем, не умеете следить за выражением своего лица.

– И что же вы, ваше превосходительство, на моем лице вычитали, позвольте полюбопытствовать?

– Только одну мысль, господин капитан: «Как жаль, что вы наконец-то от нас уезжаете». Пойдемте, однако, развлекать нашего гостя…

Глава 5

Великий князь Михаил, подметив нервозность и взбудораженность личного состава, переводит праздник в формат «Встреча без галстуков», а затем просит организовать ему экскурсию в роту огневой поддержки, мотивируя тем, что остальных он уже видел. Посылаю быстроногого Данилку вестовым к Волгину, и вместе с остальными неспешно идем смотреть наше тяжелое и не очень вооружение.

Трофейная гаубичная батарея и пулеметы оставляют его высочество равнодушным, мол, такое мы уже много раз видели. На несколько минут он задерживается возле пушечного броневика, залезает внутрь и лично проверяет углы наведения 47-миллиметровки. Когда заканчивает играться и выбирается наружу, его уже поджидают два расчета пэтээрщиков во главе с Котярой. Рядом на треногах стоят их «карамультуки».

– Дым от выстрелов сильно демаскирует позицию? – Михаил Александрович задает вопрос после того, как оба номера показали ему порядок работы.

– Так точно. Приходится или выискивать надежное укрытие, или менять позицию после пары выстрелов, – пускаюсь я в объяснения, потому как бойцы в данный момент временно онемели из опасения ляпнуть что-нибудь не то. – Пытаемся заменить порох на бездымный, но возникает проблема с кучностью. В кустарных условиях точно завальцевать пулю обратно практически невозможно. Нужна заводская машинка, но пока не нашли, где ее взять. А количество пороха наши алхимики, пардон, пиротехники, давно подобрали.

– У вас и пиротехники имеются? – вполне искренне удивляется великий князь.

– Так точно… Фельдфебель Савелий Малышев и старший унтер-офицер Максим Горовский. Первый еще во время Русско-японской в Порт-Артуре служил бомбардиром-лаборатористом, второй – из вольноопределяющихся, студент-химик.

– Ну-с, тогда давайте посмотрим, чем ваши алхимики, колдуны и маги занимаются. – Вместе с его высочеством отправляемся в «лабораторию», размещенную в отдельном блокгаузе.

Савелий, как старший по чину, встречает нас на пороге, четко рапортует, затем работает экскурсоводом. Михаил Александрович вместе с Келлером с интересом осматривают столы и верстаки, заваленные разнокалиберными гильзами, болванками снарядов и прочими непонятными, но, по всей видимости, очень нужными железками. В одном месте застреваем надолго. «Экскурсанты» рассматривают не вполне им понятное сооружение – наш надкалиберный миномет. Два метровых металлических уголка с загнутыми наподобие салазок концами соединены поперечинами, на которых спереди с помощью двух секторов закреплен обрезок ствола от дробовика с ударно-спусковым

механизмом, а позади этой конструкции – деревянный ящичек-пенал с крышкой, внутри которого в гнездах лежат четыре мины, сделанные из трофейных 77-миллиметровых снарядов с самодельными хвостовиками, прикрепленными к обрезанным гильзам. Рядом стоят два деревянных «ранца», раскрывающихся наподобие книги, с восемью минами в каждом.

– Наша непосредственная огневая поддержка, следующая во втором эшелоне штурмовиков, – дает пояснения Иван Георгиевич. – Расчет – четыре человека. Двое таскают сам миномёт и ведут из него стрельбу, еще двое несут боезапас и при стрельбе находятся в охранении. Номера взаимозаменяемы, каждый может работать и наводчиком, и заряжающим… Есть возможность менять откидной прицел и использовать 47-миллиметровые снаряды Гочкиса, но у них убойность меньше.

– Практические стрельбы вы уже проводили? – великий князь Михаил увлекся идеей, глазки-то вон как загорелись.

– Так точно. Когда рассчитывали прицел, постреляли достаточно. Если пожелаете, можем продемонстрировать.

Высокий гость очень желает и посмотреть, и принять личное участие в веселье, поэтому Волгин вызывает расчет, который шустро отправляется на стрельбище готовить агрегат. А мы пока тормозимся возле следующего стола, на котором лежат три гигантских бронзовых револьвера с не менее гигантским калибром в тридцать семь миллиметров. К рукояткам уже приделаны Г-образные проволочные приклады к стволам – крепление для съёмных треног.

– А это что за чудовища? – в голосе великого князя сквозит удивление.

– Ваше высочество, это – флотские сигнальные револьверы, давным-давно благополучно списанные и забытые. Хотим приспособить их в качестве гранатометов. Берем штатный 37-миллиметровый короткий снаряд, обрезаем гильзу, меняем навеску пороха. И пытаемся добиться приемлемой дальности и кучности. Сложность та же, что у крепостных ружей. Нужен станок для обвальцовки.

Михаил Александрович выходит из «приюта алхимиков», впечатленный в должной мере. А когда на стрельбище с очень небольшой помощью наводчика

он с третьего выстрела разносит в клочья и щепки «группу солдат противника», представленную несколькими мешками с песком, привязанными к пню, на лице восторг, как у мальчишки, заполучившем классную, интересную игрушку.

– Да, Денис Анатольевич, удивлён и поражён. И уверен, что увидел еще далеко не всё.

– Ваше императорское высочество, от вас – никаких секретов!

Веду гостя показывать «святая святых» – нашу спецоружейку. При нашем появлении в казарме бойцы моментально испаряются от греха подальше, как и положено приличным и воспитанным «призракам». Дежурный по роте, старший унтер-офицер Боря Сомов, гремя ключами, отпирает массивный замок на двери с ничего не говорящей табличкой «Хозяйственное помещение № 4». Внутри на стеллажах аккуратно лежат трофейные люгеры, добытые в Ново-Георгиевске наганы, закупленные в Гомеле маузеры С-96. Чуть дальше, в пирамидах выстроились полсотни укороченных дробовиков и столько же пистолетов-пулеметов ФГ-15-01, в девичестве называвшихся «Стенька», а над ними в отдельной стойке – два десятка ПП ФГ-15-02, клонов беретты М-12, производства мастерских стрелковой школы по уточненным там же, в Ораниенбауме, чертежам. В углу – отдельная стойка с «глухим» стволом имени сеньора Жирардони, на который Гордей с Котярой всё-таки умудрились присобачить оптику, и семь снайперских маузеров, любезно одолженных в разное время у кайзер-зольдатенов в обмен на быструю и безболезненную кончину. У противоположной стены сложены ящики с патронами, гранатами и прочими нужными расходниками.

Великий князь Михаил не торопясь рассматривает все эти железки, особое внимание уделяя не виданным еще пистолетам-пулеметам, и, предвидя дальнейшие события, в очередной раз играю роль радушного хозяина и делаю предложение, от которого гость не может отказаться, в результате чего, взяв всё необходимое, включая ящик патронов, мы все дружной компанией отправляемся вновь на стрельбище. Типа пострелять, поиграться…

* * *

Ольга Николаевна появляется через полтора часа, весёлая, довольная и оживленная. В сопровождении двух казаков, волокущих большой ящик. Про

содержимое я знаю, а вот остальные могут только догадываться. Ничего, будет им маленький сюрприз… А вот появление адъютанта великого князя, командующего переноской большой закрытой корзины, в которой пару раз что-то подозрительно и стеклянно звякнуло, оказывается неожиданностью уже для меня. Августейшие гости изъявляют желание видеть помимо офицерского состава еще и наших господ вольноопределяющихся. Поэтому на этот раз посылаю Данилку за студиозусами с приказом немедленно явиться в «собрание» по всей форме и затем вопросительно смотрю на Федора Артуровича. Его превосходительство в ответ хитро улыбается и многозначительно мне подмигивает. Значит – в курсе происходящего, и беспокоиться пока не о чем. Хотя не совсем нравятся мне неожиданности, исходящие от власть имущих.

Когда все собираются, великий князь Михаил с торжественным и официальным выражением лица открывает протянутую адъютантом папочку… И я слегка выпадаю в осадок! Мы с Келлером, конечно, не раз оговаривали вопрос о том, что надо растить свои командные кадры, но совпадение с сегодняшним событием… Как бы это сказать?.. Хорошо подготовленный экспромт!

– Во исполнение всемилостивейшего указа государя-императора… – Михаил Александрович вещает почти как Левитан, и где только научился?.. Или всю царскую фамилию этому учат?.. О, а вот и самое главное!

– …Угодно было пожаловать чин прапорщика… старшему унтер-офицеру Буртасову Илье Алексеевичу… старшему унтер-офицеру Горовскому Максиму Борисовичу… унтер-офицеру Федорову Вадиму Илларионовичу… со старшинством от сего дня!

Ну ладно, я мог бы еще догадаться, но виновники торжества!.. Для них эта новость – сюрпризная, аж дальше некуда! Еще перед отъездом в Питер переговорил с ними на предмет «хотят ли» и в тот же вечер написал рапорта и отправил по команде. И забыл про это. А теперь – получите нежданчик! Хоть и приятный, но стоят, бедные, как столбы, и не знают, что делать… Хоть бы один догадался выдать что-нибудь типа «служу престолу и Отечеству!»… Вот, наконец-то Макс догадался. А за ним вразнобой и остальные рявкнули. Но глаза – ошалелые до невозможности! Ну что ж, привыкайте, ваши благородия, к новому статусу!.. А чуть позже мы вашу тесную компанию еще разбавим. Как только Котяра, Гордей и Иван Иванович Остапец будут аттестованы за четыре класса реального училища, Федор Артурович в полном соответствии с императорским указом своей властью вручит им прапорские погоны. Потому как

образование позволяет? Позволяет. Героями являются? Являются. Все согласно высочайшей бумаге…

Че-е-г-о-о?!.. Ах-х-х…ренеть!.. Вот это уже не сюрприз – сюрпризище!.. Неожиданность из серии «серпом по… шарикам»! Вот об этом с Келлером разговора вообще не было!.. С формулировкой «досрочно, за отличие» Анатоль Дольский становится штаб-ротмистром, Роман Берг и Димитр Стефанов – поручиками, Николенька Бер теперь будет именоваться подпоручиком! Ну ни фига се звездопад получился!..

– С одной стороны, в империи действует сухой закон, но с другой – и про соблюдение старинных, еще дедовских обычаев, я думаю, тоже забывать не стоит, – Михаил Александрович сейчас очень похож добренького дедушку, – поэтому я взял на себя смелость определить золотую середину…

Великокняжеский адъютант по его знаку открывает крышку корзины, вызванная Ганна быстро, но без излишней суеты начинает накрывать импровизированный «шведский стол», успев пару раз ободряюще улыбнуться еще не пришедшим в себя студиозусам, пардон, теперь уже господам прапорщикам. Алеся с Данилкой, пользуясь случаем, активно ей помогают. Парень таскает тарелки с рюмками, девчушка сосредоточенно расставляет посуду и раскладывает вилки, стараясь, чтобы всё стояло и лежало ровно и аккуратно, как на строевом смотре. Из корзины на всеобщее обозрение появляются полдюжины водочных «белоголовок» и бутылка шампанского, как я понимаю, специально предназначенная для великой княжны, которая тоже не остается в стороне от готовящегося праздника и из той же корзины достает достаточно внушительный торт, поясняя, что это – специально для подрастающего поколения. Малышня, тут же позабыв все свои дела, огромными глазами, в которых читается ожидание Великого Праздника, начинает рассматривать гигантскую вкусняшку…

Интересно, с чего это великий князь устраивает такой спектакль? Что-то поменялось в голове или пытается наладить «дружеский» контакт с очень нужными ему и опасными для врагов людьми, типа вырастить для себя личных преторианцев? Надо будет переговорить с генералом по этому вопросу…

– Итак, ваши императорские высочества, господа офицеры, несмотря на некоторую внезапность сегодняшнего события, согласно ритуалу полагается избрать распорядителя. – Федор Артурович переглядывается с великим князем

и, довольно улыбаясь, продолжает: – Я предлагаю возложить сии приятные хлопоты на вашего батальонного командира. Надеюсь, возражений не последует?..

Возражений, естественно, не последовало, и мне приходится в очередной раз отдуваться. Но хлопоты действительно приятные. Подзываю Данилку и тихонько прошу принести фужер для великой княжны и семь стаканов для «именинников». Пока он бегает, Ольга Николаевна, исполняя обязанности шефа батальона, вручает мне стопку погон и коробочку со звездочками.

– Простите, Денис Анатольевич, но папа€ только час назад подписал указ. Мы с дядей просили раньше, но он согласился только после смотра.

– Что вы, Ольга Николаевна! Покорнейше и искренне благодарю вас за столь приятную нам заботу о батальоне. – Блин, язык сломать можно об эту вежливость. Нельзя, что ли, просто так всё сказать?..

Данилка тем временем появляется на пороге с необходимой тарой, а за ним виднеется фигура отца Александра.

– Вы позволите, господа, поприсутствовать здесь слуге Божию? Надеюсь, не помешаю?

– Конечно, отче, вы для нас всегда желанный гость! – Еще раз раскланиваюсь со священником, затем обращаюсь к Оладьину: – Сергей Дмитриевич, не откажите в любезности взять на себя роль виночерпия.

Пока новоназначенный «дозировщик» разбирается с шампанским для дамы и водкой для остальных, продолжаю следовать сценарию:

– Господа офицеры, прошу всех желающих высказать свое мнение относительно новопред… тьфу ты, представленных к новому чину.

– Если не возражаете, господин капитан, – слово берет Волгин. – Я имел удовольствие видеть как в боевой обстановке, так и в условиях повседневной службы всех виновников торжества. Поскольку часть из них служит под моим началом, смею заверить всех присутствующих, что никаких замечаний по

исполнению ими своих обязанностей не имею… Ну, а некоторые вполне простительные детские шалости, надеюсь, останутся в прошлом. Не так ли, Максим Борисович?..

Макс Горовский при этих словах начинает предательски краснеть. Опять угостил кого-то своей фирменной папироской с петардой? Шалунишка, блин!.. Или что похуже отчебучил? Ладно, штабс-капитан сам с этим на раз справится…

– Спасибо, Иван Георгиевич. Ваше здоровье, господа! – Так, начало коллективной пьянке положено, идем дальше. – Есть еще желающие высказаться?..

Высказаться, конечно, могли бы многие и о многом, но присутствие представителей царствующего дома накладывает на рты некоторые цензурные ограничения. Далеко не всё можно и нужно слышать августейшим ушкам, тем паче принадлежащим юным особам женского пола. Поэтому снова оказываюсь в центре внимания.

– Хорошо, тогда, надеюсь, присутствующие простят мне несколько пространный монолог… С Анатолием Ивановичем я знаком уже более года. И всё это время, уходя на задание через линию фронта, я был спокоен, зная, что с тыла нас прикрывает группа тогда ещё поручика Дольского. И что в случае неудачи не придется на нейтралке отстреливаться до последнего патрона и погибать смертью храбрых. Вы, господа, также неоднократно побывали в этой роли и прекрасно понимаете, о чем я говорю…

С Романом Викторовичем, Димитром Любомировичем и Николаем Павловичем я познакомился в Ново-Георгиевске. Эти офицеры не выполнили приказ сдаться в плен, на мой взгляд, абсолютно преступный, но и не нарушили присягу, данную нашему государю. Они не раз доказали свою отвагу, пробираясь вместе с нами к своим. И после, во всех боевых операциях они не дали ни малейшего повода усомниться в своей храбрости, желании и умении воевать…

Господа вольноопределяющиеся прибыли к нам чуть более полугода назад. Тогда это были слегка наивные, несколько романтично настроенные студенты с некоторым не совсем понятным набором сумбурных мыслей в головах… Интересно, что бы вы сейчас сделали, повстречавшись с тем же самым незабвенным новогеоргиевским агитатором Мишей Бейциным?

– Попросил бы его немного помолчать. С одного, максимум с двух ударов, – как всегда спокойно и рассудительно отвечает Илья Буртасов, поддержанный согласным кивком Вадима Федорова.

– А я бы угостил папироской… Фирменной, – под дружный смех выдает свою версию Макс Горовский. Не понявшим юмора августейшим гостям Федор Артурович вполголоса объясняет смысл сказанного.

– Так вот, за это время едва оперившиеся птенцы выросли и превратились в боевых орлов, простите за каламбур, способных пролететь огонь, воду и медные трубы, а затем оглянуться и посмотреть, всё ли они сожгли и взорвали, или что-то еще осталось, и неплохо было бы вернуться… В заключение скажу, что я считаю для себя большой честью служить вместе с вами в одном батальоне… А теперь…

Серж Оладьин уже приготовил для всех стаканы со звездочками. Беру первую пару погон. Опаньки, а они-то у нас не простые! Парадные, золотистые, сверху – императорская корона, чуть пониже – вензель Ольги Николаевны, красиво переплетенные инициалы «О» и «Н», а в самом низу – еще одна буковка «Н», только поменьше. Ну-ка, вспоминаем, у простой пехоты на погонах цифирки по номеру полка, а у нас – первая буква названия батальона. Значит, теперь мы, типа, к гренадерам относимся, и эмблемой у нас – бомба с горящим запалом. А учитывая, что батальон еще и ударный, добавляем к ней череп с костями. Ага, еще молнию через глазницу и надпись внизу – «Не лезь, убью!». А что, это – идея! Забабахаем такую эмблему, все умрут от зависти. В смысле – свои. А немцы – ну, там другие причины для летального исхода будут. Ладно, заканчиваем витать в облаках, надо дело делать… Так, начинаем по старшинству, с Дольского.

Вручаю стакан, на дне которого блестят кусочки золотистого металла, Анатолю, который в наступившей тишине медленно выпивает водку, затем берет протянутые погоны и, «целуя» их, выкладывает звезды долгожданным манером. Затем выпрямляется, вытягивается по стойке «смирно» и докладывает:

– Ваши императорские высочества, ваше превосходительство, господа офицеры, представляюсь по случаю присвоения очередного воинского чина, штаб-ротмистр Дольский!

Затем все действия повторяются еще шесть раз, меняются только действующие лица и фамилии при докладе…

…поручик Берг!..

…поручик Стефанов!..

…подпоручик Бер!..

…прапорщик Буртасов!..

…прапорщик Федоров!..

…прапорщик Горовский!..

И затем – заключительная фраза уже в моем исполнении:

– Господа! Нашего полку прибыло!..

Оконные стекла дребезжат в унисон с дружным троекратным «ура!», и официальная часть на этом… не заканчивается. Теперь я передаю бразды правления шефу батальона великой княжне Ольге Николаевне, которая уже освоилась и чувствует себя среди нас вполне свободно и комфортно. Дав минуту на экспресс-экскурсию по тарелкам, она негромко и даже как-то просяще обращается к присутствующим:

– Господа офицеры, можно минуточку внимания?..

Что заставляет всех моментально и неподвижно застыть, глядя на нее преданными глазами и пытаясь незаметно проглотить непрожеванные до конца остатки закуси.

– Господа, как шеф батальона, я хотела бы сегодня сделать вам всем небольшие подарки!.. – продолжает тем временем наша «шефиня».

Ну, свой подарок я уже получил, поэтому открываю крышку ящика, приехавшего вместе с княжной, и работаю добровольным помощником, тем более что знаю, кому какой кортик надо вручать. Вот и первый – ножны с недавно помянутой «адамовой головой», крапово-анненский темляк, завязанный узлом на гарде и частично скрывающий надпись «За храбрость», черная граненая рукоять, золотистое навершие с маленьким мальтийским крестиком «клюквы». Его Ольга Николаевна вручает Волгину. Иван Георгиевич опускается на левое колено, прикасается губами к наполовину обнаженному граненому лезвию, встает и благодарит её высочество. Следом то же самое делает Анатоль, получая такой же клинок. Все мои офицеры уже давным-давно имеют «клюкву», поэтому простые кортики достаются только что произведенным в прапора студентам. Ну, я думаю, это – ненадолго. Тем более что у двоих – медали «За храбрость», а у Максима – солдатский Георгий за химический эшелон в Ловиче.

Вот теперь официальная часть действительно закончена, народ кучкуется возле стола, где осталось еще немного выпивки и закуски.

– Денис Анатольевич, здесь остались кортики согласно штатному расписанию, и еще несколько запасных, на всякий случай. – Великая княжна кивает на ящик. – Пусть они хранятся у вас в батальоне.

А вот теперь будем претворять в жизнь очередное коварство и ковать железо, не отходя от кассы! Никогда не думал, что придется поработать свахой…

– Ольга Николаевна, разрешите запасные кортики использовать в качестве неофициальной награды для прикомандированных офицеров. – Делаю тупо-деревянное выражение лица и пускаюсь в пространные объяснения. – Дело в том, что к нам на учебу уже приезжали моряки из Гвардейского экипажа. Недавно родилась идея создать подобный нашему батальон морской пехоты, часть матросов уже прошла обучение, вот, на днях старший лейтенант Воронов должен привезти вторую партию…

– Воронов?.. Павел Алексеевич?.. – Во взгляде княжны мелькает что-то этакое, особенное, но она тут же берёт себя в руки. – Я помню его еще по яхте «Штандарт», достойный офицер.

– Да, вы правы, умный, храбрый, достойный. Он сразу проявил интерес к нашим способам вести боевые действия, тренировался вместе с подчиненными и был в

числе лучших. Может быть, в порядке исключения?..

– Конечно, Денис Анатольевич. Когда он приедет, вручите ему кортик от моего имени… И передайте, что я помню о нем… – Княжна Ольга спохватывается и бросает на меня пронзительный взгляд, стараясь понять, не будет ли фраза превратно истолкована. Делаю вид, что абсолютно ничего крамольного не услышал, слова как слова.

– Спасибо, Ольга Николаевна, всенепременно вручу и передам! – Пора менять тему. – У меня будет к вам еще одна просьба, но, прошу извинить, немного позже…

Опасается девушка за свою репутацию, и, на мой взгляд, совершенно излишне… Да не волнуйтесь вы так, ваше высочество, если кто-то вдруг услышит и не так поймет, ему придется посетить травматолога и… Впрочем, не будем о грустном в этот праздничный день.

Её высочество, считая разговор пока законченным, решает поближе познакомиться с нашими младшенькими и подзывает Алесю с Данилкой к отдельно накрытому чайному столику, где сервиз скромненько ютится по самому краю вокруг белоснежной громады торта. Там, с чисто женской непоследовательностью, она пытается заставить малышню одновременно делать два взаимоисключающих дела – отвечать на ее вопросы и лопать тортик.

Пока виновники торжества отсутствуют, приводя форму одежды в соответствие, генерал Келлер с великим князем Михаилом окончательно добивают меня последним, надеюсь, на сегодняшний день, сюрпризом, стоит мне только подойти поближе.

– Ну-с, господин капитан, на десерт мы припасли для вас еще одну новость. Информация конфиденциальная, так что кроме вас никто ничего не должен знать… – Его превосходительство делает многозначительную паузу, затем, понизив голос, продолжает: – Вы уже знаете, что на Юго-Западном фронте генерал Брусилов начал наступление на австрияков. Согласно апрельской директиве, он должен выполнять отвлекающий удар, но командующий Западным фронтом генерал Эверт, долженствующий прорывать оборону германцев у Молодечно и двигаться на Вильно, до сих пор не мычит, не телится. Простите, ваше императорское высочество, но я называю вещи своими именами.

Ни артиллерийская, ни инженерная подготовка к наступлению даже не начаты, и неизвестно, будут ли проводиться вообще. Подробней мы поговорим завтра у меня в штабе… В общем, в ближайшем времени, где-то дней через десять-двенадцать, вашему батальону предстоит прогулка на ту сторону, и не скажу, чтобы она казалась лёгкой. Так что, Денис Анатольевич, готовьте личный состав, особое внимание – передвижению с полной выкладкой по заболоченной местности. И поторопитесь, от ваших действий будет зависеть очень многое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/zurkov_igor/vpered-na-zapad

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить